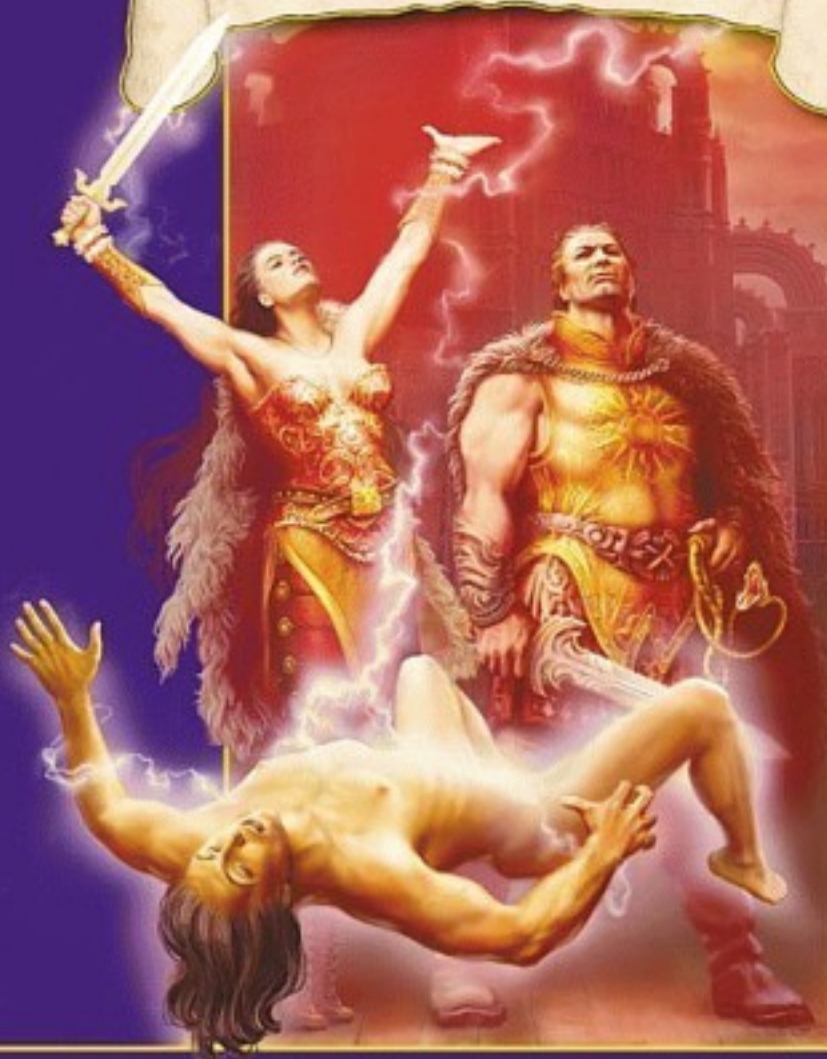

АЛЕКСАНДР ЗОРИЧ

БОЕВАЯ МАШИНА ЛЮБВИ

Свод Равновесия

Александр Зорич

Боевая машина любви

«Автор»

2000

Зорич А.

Боевая машина любви / А. Зорич — «Автор», 2000 — (Свод Равновесия)

«Свод Равновесия» – такое имя носит Инквизиция Баранской республики, самого сильного государства мира Сармонтазары. Она безжалостно уничтожает всех, кто позволяет себе отступить от жестокого закона этого мира, но наиболее жестоко преследует носителей запрещенной, приравненной к ереси магии. Однако только что пришедший в эту службу юноша Эгин с изумлением обнаруживает, что варанские инквизиторы используют против своих врагов-магов... магическую силу! «Двойной стандарт» и не более того? Но теперь Эгин, официально вышедший в отставку и продолжающий борьбу против порождений тьмы и их приспешников – черных магов – понимает: чаще всего сражаться с ними обычными способами попросту невозможно. Как отличить без магии друга от врага, противника – от союзника? И, главное, как спасти ставшего другом врага?..

© Зорич А., 2000

© Автор, 2000

Содержание

Пролог	5
Глава 1	8
1	8
2	10
3	16
4	17
Глава 2	19
1	19
2	21
3	24
4	25
5	27
Глава 3	29
1	29
2	33
3	35
4	36
Глава 4	38
1	38
2	39
3	41
4	43
Глава 5	45
1	45
2	51
Глава 6	52
1	52
2	53
3	55
4	59
5	61
6	62
Глава 7	65
1	65
2	70
3	72
4	74
Глава 8	78
1	78
2	79
Конец ознакомительного фрагмента.	82

Пролог

Барон Вэль-Вира велиа Гинсавер сидел в резном деревянном кресле и апатично перебирал можжевеловые четки.

Ноги его были накрыты медвежьей шкурой, взгляд бесцельно блуждал по пустому залу для аудиенций. Справа от барона на треножнике лежали свежие угли. То и дело Вэль-Вира подносил руки к треножнику и подолгу грел их.

С тех пор как погибла Радна, он все время чувствовал холод и никак не мог согреться. Как будто Радна забрала с собой часть его жизненного тепла. Иногда Вэль-Вире казалось, что дни его сочтены и вслед за Радной уйдет и он сам.

Дверь зала распахнулась. На пороге возник дворецкий. Судя по выражению его лица, он был готов к незаслуженной взбучке со стороны господина.

– Милостивый гиазир, извольте принять... – начал дворецкий, но Вэль-Вира грубо оборвал его:

– Я что, плохо объяснил тебе? Меня не беспокоить!

– Вы очень ясно объяснили, милостивый гиазир. Очень ясно. Но только там бароны Маш-Магарт пожаловали. Барон Шоша и баронесса Зверда.

– Да хоть владетели воздуха и тверди! – взревел Вэль-Вира.

От пережитого горя его рассудок стал нечуток к таким аристократическим безделкам, как этикет или благоговение перед владетелями воздуха и тверди.

– Но мы не можем их не принять! Это будет более, чем оскорбление, – частил дворецкий. – К тому же они приехали выразить соболезнования в связи с вашей, то есть нашей, – поправился дворецкий, – утратой.

Вэль-Вира бросил на дворецкого яростный взгляд. Впрочем, осмысленности в нем теперь поприбавилось. Дворецкому показалось, что его увещевания подействовали.

– Ах, соболезнования! Вот оно что! Они приехали выразить соболезнования! Ну тогда милости просим, – со злым сарказмом заключил Вэль-Вира.

Некоторое время спустя в зале появились бароны Маш-Магарт: одетая в траурные белые одеяния баронесса Зверда, чья резкая, агрессивная красота всегда настораживала Вэль-Виру, и ее супруг барон Шоша – невысокий, немного тучный, но очень крепкий мужчина, с виду тянувший лет на сорок.

Войдя в зал, бароны церемонно опустили глаза долу.

– Любезный сосед наш, друг, брат. Прознав о вашей утрате, мы не могли не содрогнуться в ужасе. Смерть госпожи Радны была огромной потерей для нас. И напоминанием о том, что всякая жизнь имеет конец. В том числе и наша.

Покончив со своей методичной декламацией, Зверда выразительно посмотрела на мужа. Барон Шоша, сделав невероятно серьезное лицо, пророкотал:

– Жаль деву. Красивая была. Короче, приносим соболезнования.

– Да-да, – поспешила вклиниться Зверда. – Со своей стороны, мы сделаем все возможное, чтобы облегчить вам, любезный Вэль-Вира, боль утраты.

Зверда горестно вздохнула и худо-бедно изобразила на своем лице скорбь. Шоша мысленно отметил, что его жена сегодня не в ударе.

Но Вэль-Вира, казалось, ничего не замечал. Он сидел на своем кресле и пялился в одну точку, расположенную далеко за спинами супругов Маш-Магарт.

Зверда и Шоша переглянулись. Может быть, пора уходить?

– И где же вы были эти пять дней? – вдруг заговорил Вэль-Вира.

– Мы только позавчера узнали о случившемся, – соврала Зверда. – Пока собрались, пока выехали к вам... Да и пурга сильная была – вот только сейчас до Гинсавера добрались.

– Значит, вы не знали о случившемся. Так? – Вэль-Вира наконец соизволил поместить Зверду в фокус своего зрения.

Баронесса вдруг осознала, что по-прежнему влюблена в своего соседа из замка Гинсавер. Но она быстро отогнала эту мысль прочь – сейчас вспоминать о чувствах было совсем некстати.

– Нет, мы не знали, – кротко отвечала Зверда.

– Не знали, – буркнул Шоша.

– А следы медведицы и черепахи, что я нашел близ изуродованного тела Радны? Разве это были не ваши следы?!

Этот вопрос застал Зверду и Шошу врасплох. Конечно же, это были их следы.

– О чем это вы, Вэль-Вира? – подала голос Зверда.

– По-моему, вы забываетесь, – буркнул Шоша.

– Пусть я забываюсь. Но разве не правда, что в тот вечер ваши кони, любезные бароны, еще долго слонялись по окрестностям горы Вермаут?

– Ничего не знаем. Это были не наши кони, – быстро ответила Зверда.

– Но главное – главное, перед смертью Радна успела сказать мне, что это были вы! – Вэль-Вира привстал, опираясь на подлокотники кресла.

В зале повисла зловещая пауза. Но не успела Зверда приступить к новой очереди запирательств, как барон Шоша поднял глаза на Вэль-Виру, подбоченился и медленно, с расстановкой произнес:

– Да, это сделали мы. Мне надоел этот дурной балаган.

Зверда нервно выдохнула. Как ни странно, она восприняла неожиданное признание Шоши с облегчением. Она не любила лицемерить. Она ненавидела играть и врать. Теперь, к счастью, можно было этого не делать. И Зверда добавила:

– Да, это мы убили Радну. И, откровенно признаться, имели на это право.

– О каком праве вы говорите, зверское отродье?

– О праве ледовооких. Ты нарушил запрет, Вэль-Вира.

– Я ничего не нарушал!

– Нет уж, ты нарушил! И не один. Терпеть твой произвол у нас более не было желания, – грозно сказал Шоша. – Разве ты не знаешь, кем была Радна? Разве ты не знаешь, что она не была ни женщиной, ни гэвенгом?

Вэль-Вира вновь сел.

Да, он знал, что его любовь, его жизнь, Радна, не принадлежала ни к расе людей, ни к расе гэвенгов. Она была из тех существ, что уже давно не живут здесь – она была феоном.

Гэвенгам было строжайше запрещено брать в жены женщин-феонов. Вэль-Вира знал и это. Но вот откуда об истинной природе Радны пронюхали бароны Маш-Магарт? Ведь они видели Радну только в человеческом обличье?

– Но ладно бы только это, Вэль-Вира, – вступила Зверда. В ее голосе звучало безжалостное осуждение. – В конце концов твоя личная жизнь – не более, чем твоя личная жизнь. Если ты хочешь портить нашу линию и плодить ублюдков – ты волен поступать так. Это можно было бы терпеть, если бы ты не выделил ей доли «земляного молока»! И притом без нашего согласия!

– Она испила из чаши ровно два раза! Два раза, когда ей угрожала смерть! – возмутился Вэль-Вира.

– Два или двадцать два, не имеет значения. Ты нарушил закон.

– Я – вольный барон. Я сам устанавливаю законы. Я знаю, что можно и что нельзя, – без тени улыбки сказал Вэль-Вира.

– Да, ты барон. Но ты и гэвенг. Как и мы, – припечатал Шоша.

– Но из этого не следует, что вы, гэвенги, можете распоряжаться в моей жизни, словно в своей конюшне!

– Следует, – отчеканила Зверда. – Ты нарушил закон. И ты был наказан нашими руками.

– Но не ты устанавливала законы, по которым я живу! – яростно прохрипел Вэль-Вира.

– Не я. Законы гэвенгов установили ледовоокие.

Несмотря на показное спокойствие, Зверда, как и Вэль-Вира, была вне себя от ярости.

Под дверью в зал для аудиенций сидели трое. Дворецкий и двое телохранителей баронов Маш-Магарт. До них доносилась господская брань, крики и грохотание мебели. Разобрать слова было невозможно. Но и так можно было догадаться: хозяева не в духе.

Глава 1

Гамэри!

Земляное молоко непригодно для питья. Но многие пьют его с удовольствием.
«Мемуары». Лид Фальмский

1

Это место, наверное, было бы признано священным, а вода из каменной чаши славилась на весь Север как целебная и чудодейственная.

Так случилось бы, если б некогда нашлись маги и воины, которым оказалось по силам сломить гордость баронов Фальма и лишить здешних властителей их исконных привилегий.

Возможно, водой из этого источника исцелялись бы от бесплодия немолодые жены харенских наместников, а на поросших черными елями склонах горы Вермаут краснели бы черепичные крыши охотничьей резиденции самого сотинальма. И гладко выбритые, благоухающие дорогой туалетной водой егеря – отпрыски мелкопоместных, но многодетных дворян – тянули бы из смердов-браконьеров кишки, в полном соответствии с лесным правом сотинальма Фердара.

Возможно, это место было бы названо проклятым, хуммеровым, а вода, горьковатая и словно слегка протухшая, была бы признана колдовской эссенцией, средоточием мерзости порока.

Тогда коллегия жрецов Гаиллириса из Ласара сокрушила бы чашу серебряными молотами, совершила обряд очищения и объявила гору Вермаут запретной.

Тогда егеря тянули бы кишки из смердов не только за порубки в государственных лесах, но и за простой проход через запретную землю. Охотничьей резиденции сотинальма на горе не было бы, а вместо нее стояли бы две-три приземистых охранных крепостцы на десять – пятнадцать солдат каждая.

Однако никто и никогда не смог принудить баронов полуострова Фальм отказаться от исконных привилегий и допустить в свои земли представителей имперской власти. А потому гора Вермаут не была ни священной, ни проклятой, ни запретной.

О свойствах воды из источника местное население имело более чем смутные представления, что порождало слухи самые противоречивые.

По поводу горы не существовало писаного закона, не было устных распоряжений. Любой мог прийти к чаше – хлебнуть странной влаги, скривиться на ее горечь, умыться, а то даже и искупаться. Да вот только охотники давно перевелись.

Время от времени потоки талой воды выносили к подножию горы белый человеческий череп.

Случались иногда и черепа звериные – большие, приплюснутые, удлиненные или, наоборот, похожие на шипастый шар с непомерно развитой, подвижной нижней челюстью. Одного взгляда на такой череп было достаточно, чтобы понять: о таких животных в обычных книгах не сказано и полслова.

Большая белая медведица, вся – словно бы сотканная из лунного света – страдая от нестерпимо жгучего для ее прихотливой шкуры зрелого весеннего солнца, взбиралась по склону горы и села передохнуть в тени черной ели.

У самых корней дерева лежал нержавеющей жетон офицера варанского Свода Равновесия.

«Сайтаг, аррум Опоры Писаний», – гласила надпись на жетоне. Неподалеку сыскался и человеческий череп, пробитый не то чеканом, не то чьим-то крепким, как чекан, клювом.

Гора Вермаут обладала еще одной интересной особенностью: среди всех земель Северной Сармонтазари ею единственной никто не владел официально.

По поводу этой горы древний земельный реестр полуострова Фальм сообщал: «Восточный склон смотрит на Маш-Магарт, северный – на Гинсавер, западный – на Семельвенк, южный – на Юг».

И почему-то никто из баронов Фальма не настоял на уточнениях этой расплывчатой формулировки. И никто не поставил на склонах горы каменных столбов со своим гордым именем. А ведь уголья там были знатные, деревья – ценные, а ягоды всякой – видимо-невидимо.

2

– Вы знаете, я прошел много военных кампаний, милостивый гиазир, – негромко начал Лид, дождавшись, когда барон Шоша велиа Маш-Магарт обгонит передовых лыжников и оставит их в двадцати шагах за своей спиной.

– Я не боялся ни грютов, ни аспадских бунтовщиков, ни смегов, – продолжал Лид. – Когда прошлой осенью пришлось сражаться против соотечественников, я не испытывал жалости ни к себе, ни к тем солдатам, которые когда-то служили со мной в одной сотне, хотя по сей день помню их имена. И все-таки я не могу понять, что в этом месте...

Лид замялся и покосился на Шошу.

Шоша как ни в чем не бывало покачивался в седле, глядя прямо перед собой. И только где-то в самых уголках его пухлых губ Лиду почудился намек на снисходительную улыбку.

– Барон, хоть мы и обсудили с вами план в мельчайших подробностях, мне по-прежнему кажется, что мы идем походом против... пустоты.

– У вас с самого утра вид нездоровый, Лид. Я вам всегда говорил – пейте больше оленьей крови. Зря вы брезгуете. В наших местах это единственное, что спасает от болотной гнилости. Вы же знаете, Рыжие Топи не замерзают, там теплые ключи. Оттуда тянет всякой мерзостью, а вам потом всюду пустота мерещится.

Барон ушел от невысказанного вопроса своего военного советника. Да еще и нахамил, пожалуй.

– Барон, я никоим образом не хочу усомниться в вашей мудрости. Однако почему все-таки мы не прибегли к помощи ласарских истребителей нежити?

– Что-то вы туго начали соображать после ранения, – проворчал Шоша. – Раньше спросить не удосужились? Теперь уж поздно. Выскочит на вас сергамена и – цоп!

Правая рука Шоши с прям-таки звериной ловкостью метнулась от поводьев лошади к Лиду, и не успел военный советник сообразить в чем дело, как пальцы барона ощутимо ткнули его под ребра – удара не смогла смягчить даже добротная волчья шуба.

Получилось так неожиданно, что Лид вздрогнул всем телом. Пожалуй, явись ему сейчас настоящий сергамена, он напугался бы немногим больше.

– Милостивый гиазир, вы забываетесь! – гневно сверкнув глазами, рявкнул Лид. – Пусть я всего лишь наемный солдат, а вы – потомственный дворянин, но я тоже человек чести и могу послать вам официальный вызов!

– Не советую, – сухо ответил Шоша. – Но вы правы, прошу принять мои извинения. Не всякую мою шутку можно признать удачной...

Некоторое время они ехали молча. Наконец Лид, скрипнув напоследок зубами, сказал:

– Ваши извинения приняты, барон.

Шоша, казалось, только этого и ждал.

– Поймите, Лид, вопрос насчет истребителей нежити выдает в вас человека, плохо знакомого с этими людьми. Или вы думаете, что четыре тощих хлыща в красных рубахах вот так запросто изведут проклятие горы Вермаут во славу Гаиллириса? Я не говорю уже о том, что они жадны до денег, как хрустальные сомики до молодого мяса ныряльщиц. Но помимо денег они потребовали за свои услуги знаете что?

– Семя вашей души и ведро крови аютских девственниц, – равнодушно пожал плечами военный советник.

– Ваши шутки еще глупее моих, – без иронии сказал Шоша. – Требования истребителей нежити были куда проще. Они потребовали передать им гору Вермаут и все земли, прилежащие к ней на двадцать пять лиг в округности. Я не говорю уже о том, что один только я должен

был бы отдать ласарцам едва ли не четверть всех своих доходных угодий. Но есть ведь еще барон Вэль-Виры, чьи интересы...

От замка Маш-Магарт, где жил барон Шоша со своей молодой женой Звердой, до горы Вермаут был один полный конный переход. С санным обозом и хорошо подготовленными лыжниками – два перехода.

В трех лигах от горы тракт разветвлялся на два. Северный тракт вел к замку Гинсавер, вотчине барона Вэль-Виры – человека, по мнению Лида, малоприятного.

Южная ветка тракта огибала Вермаут на почтительном отдалении, после забирала к западу и через пятьдесят лиг упиралась в нарядный Семельвенк. Этот замок был недавно обновлен стараниями его хозяина-хохотуна, барона Аллерта, прозванного среди фальмской знати Книгочеем.

Как казалось Лиду, именно этот полноватый, с ранней плешью молодой человек был самым симпатичным среди всех местных забияк с внушительными родословными.

Когда Шоша заговорил об интересах Вэль-Виры, их передовой конный разъезд, состоявший из двадцати всадников с длинными прямыми клинками и облегченными луками, остановился перед трехсаженной каменной стелой.

На ней, как помнил Лид, было написано, что прямо будет гора Вермаут, налево – замок Семельвенк, направо – замок Гинсавер, «рекомый так по обычаям наших предков, в чьем нареции сие означало Steregущий Зиму».

У этой стелы по плану был получасовой привал. Затем отряд должен был свернуть на правую ветвь тракта и вступить в земли барона Вэль-Виры.

– ...как я вам уже говорил, надо учитывать. Учитывать в том смысле, что барон никогда не согласился бы по доброй воле передать особо ненавистным ему людям из числа истребителей...

Лид не слушал барона. Его внимание было приковано к бесконечно далекому – и притом бесконечно живому – цветочному пятну, которое с удивительной скоростью перемещалось между деревьями на склоне горы.

До него было никак не меньше четырех лиг и, учитывая размеры существа, его вряд ли смог бы различить человек со средним зрением. Однако зрение у Лида было исключительным, причем в причинах этого даже самый пристрастный борец с колдовством и волхвованием не сыскал бы ничего крамольного. Ветеран восьми кампаний обладал острым зрением от рождения, по праву баловня природы. И он видел, что по склону горы Вермаут бежит хорек.

Что в этом особенного, казалось бы? Ничего, если бы Лид принял зверька за белку, например. Однако он был совершенно уверен, что видит именно хорька. А хорьки на полуострове Фальм не водились! Это Лид знал совершенно доподлинно.

В этот момент всадники передового разъезда, гарцевавшие возле дорожного камня, один за другим достали из седельных налучей луки и потянулись за стрелами.

Они, отборные бойцы барона Шоши, зарядили луки за несколько мгновений. Но и этих мгновений хватило невидимым с позиции Лида противникам для того, чтобы выпустить свои стрелы первыми.

Протяжно, гибельно заржала лошадь, чью грудь украсили одна за другой две стрелы.

Четверо из натянувших луки всадников были убиты сразу, еще трое успели выстрелить в невидимого врага, спрыгнули на землю и были застрелены вместе со своими лошадьми. Остальные повернули к главным силам и стремглав понеслись прочь.

Эта прохваченная зимним солнцем сцена, разыгравшаяся на счет «раз-два-три-четыре-пять», и была началом Первой Фальмской войны.

– Пластуны Вэль-Виры! – донесся крик одного из конных разведчиков.

– А я вам говорил, Лид! – ликующе выкрикнул Шоша едва ли не в лицо своему военному советнику. – Вы мне не верили, а я вам говорил – Вэль-Вире доверять нельзя! Нечисть на Вермауте – в его интересах! Видите, он даже свою дружину выслал, стеречь гору!

– Никакой дружины я пока что не вижу, – процедил Лид, стараясь за напускным равнодушием скрыть свое потрясение.

Он не мог и помыслить, что в этих безлюдных приграничных местах они нарвутся на лучников из замка Гинсавер. Выходит, недаром Шоша ратовал за убийство Вэль-Виры и захват Гинсавера.

– Еще увидите. А теперь, дорогой мой Лид, действуйте, как мы договорились. Надеюсь увидеть вас завтра в добром здравии.

С этими словами барон Шоша опустил забрало, пришпорил лошадь и, подняв левую руку, полетел навстречу улепетывающему разъезду.

Вслед за бароном из хвоста санного обоза устремился арьергардный отряд, тоже состоявший из конных лучников. Поравнявшись с беглецами, Шоша наорал на них для поднятия боевого духа и развернул уцелевших назад.

Всего с бароном было около шести десятков отборных сорвиголов.

С точки зрения Лида – достаточно для хорошей выволочки взбунтовавшимся крестьянам. И удивительно мало для того, чтобы выиграть бой с дружиной Вэль-Виры, которую Лиду доводилось видеть в деле – бойцам хозяина Гинсавера позавидовали бы и харренские браслетоносцы.

Шоша, словно бы подумав о том же, неожиданно остановил коня. Вслед за ним остановились и всадники. Шоша привстал в стременах, обернулся и закричал:

– Да, главное, главное не забудьте! Не начинайте боя, пока не услышите с горы Вермаут условленного крика. Ус-лов-лен-но-го!

Уж это-то Лид помнил прекрасно, ему барон плешь проел деталями своего гениального плана.

Шоша сотоварищи уже гнал вперед, к дорожной стеле. С точки зрения военного советника – на верную гибель.

Тем временем пехота сняла лыжи и разобрала с саней боевую амуницию. Пехотинцы каждой сотни были вооружены по доброй харренской формуле «три по тридцать да десять». Это означало, что тридцать пехотинцев сотни имели высокие полноростные щиты, которые можно было при необходимости воткнуть заостренным нижним краем в снег или землю, и длинные совны.

Эти «совнеры» – или как более элегантно именовали их в последнее время «пикинеры» (хотя пиками-то как раз местные ретрограды вооружены не были) – составляли первую линию любого боевого порядка. При столкновении с неприятельскими стрелками – пешими или конными – они прикрывали свой строй от метательных снарядов, а при атаке кавалерии сражались совной, которую в рукопашной перехватывали обеими руками.

Вторая треть пехотинцев имела на вооружении легкие арбалеты. Такую роскошь могли позволить себе на Фальме немногие бароны, да и то благодаря выписанным лет двадцать назад суэдетским арбалетных дел мастерам. Мастера охотно перебрались на Фальм после очередного запрета имперских властей на частное производство этого мощного оружия заговорщиков и бунтовщиков.

Третья линия пехотных сотен барона Шоши была составлена из тяжеловооруженных бойцов с разнородным холодным оружием, единственным общим признаком которого была повышенная ударная мощь. У тяжелой пехоты были и большие мечи с пламевидным клинком, и шестоперы, и двуручные топоры, древко которых с обратной стороны имело копейный наколечник для колющих ударов, и громоздкие трехлезвийные алебарды.

Бойцы третьей линии носили полные пластинчатые доспехи, поножи, наручи, шлемы с подвижными полумасками (остальные довольствовались приплюснутыми железными касками с широкими полями, одетыми поверх войлочных шапок) и обычно брезговали щитом, ограничиваясь небольшой деревянной «черепичкой» с венцом, клепанным из железных прутьев и полос.

И наконец, в каждой сотне был отдельный десяток, так называемые «бегуны».

Эти были вооружены легче прочих, а именно небольшим луком из рога, перевязью с метательными ножами, треугольным щитом и длинным жалообразным клинком.

«Бегуны» служили для пешей разведки в лесу и горах. Их же высылали в качестве карателей во взбунтовавшиеся деревни. Такой работой солдаты плотного строя брезговали и запросто сами могли взбунтоваться, а у «бегунов», среди которых иногда попадались и беглые каторжане, и помилованные высочайшей милостью уголовные преступники, просто не было другого выхода.

Лид спешил, вгляделся в нестройные россыпи деревьев. Войско людское супротив войска природного...

Лиду не хотелось маячить над головами солдат превосходной мишенью для ловкого пластуна-арбалетчика, скользящего в белом балахоне какой-нибудь неприметной ложбинкой, а то и затаившегося в подземном схроне по обычаю разбойников-ронтов из Итарка.

Если бы на них напали прямо сейчас, то, возможно, смогли бы перерезать всех, как куропаток. Это вещи несовместимые: быстрый марш на лыжах и доспехи.

Пехота шла налегке и только конное боевое охранение да «бегуны» могли прикрыть ее в случае внезапного нападения. Нападения, в которое Лид не верил до последней минуты, потому что в глубине души не очень-то полагался на прогнозы своего нанимателя, барона Шоши.

Лиду не очень нравились манеры Шоши. Барон был не то чтобы груб или неотесан, а скорее резок и временами производил впечатление не вполне вменяемого человека.

Шоша мог, например, неожиданно ухватить служанку за задницу и заорать на ползамка: «Как заест тебя магдорнская черепаха!» После этого он начинал гоготать и трясти головой, словно бы и впрямь в его выходке было что-то смешное или уж тем более оригинальное.

Но это была ерунда по сравнению с баронским пристрастием к свежей оленьей крови, которую он пил на каждой охоте, а охоты случались часто.

Иногда барон сгоряча съедал и сердце только что убитого животного. Лид знал, что приблизительно так поступали некогда жители Северной Лезы, а возможно, и солдаты Эллата, его далекие пращуры.

Однако в Харренском Союзе уже давно царили другие нравы: подчеркнутая воспитанность, выверенный этикет, элегантный церемониал.

И только здесь, на суверенном полуострове, можно было встретить таких колоритных дикарей, как Шоша или его подданные.

Здесь жратву запихивали в рот руками, не стеснялись совокупиться среди чиста поля, прямо на виду у половины замка, или с убийственным простодушием предлагали военному советнику свои любовные услуги едва не задаром. Особенно Лида шокировало то, что с равным энтузиазмом в трехгрошовые проститутки набивались как девицы, так и юнцы с воровской искоркой в бездонно голубых глазах.

Лид служил Шоше уже третий год и только, пожалуй, к началу последней осени обвыкся с местными обычаями. Обвыкся в достаточной мере, чтобы не отказывать себе порою в простых солдатских радостях. Но к оленьей крови так и не привык, как ни старался.

Была, впрочем, в продуваемом морскими и сухопутными ветрами Маш-Магарте жемчужина из числа тех, какие Лиду приходилось видеть разве только издалека, среди фавориток сотинальма или в свите Ели, его дочери.

Этой жемчужиной была законная жена барона Шоши, Зверда.

Одной-единственной вполне целомудренной минуты, проведенной в ее обществе, Лиду хватало, чтобы забыть о всех тягостях местной военной службы.

Честный войсководитель не мог себе позволить даже в мыслях переспать с этой очаровательной особой, да, может, и не желал. Ибо что-то заставляло его опасаться всегда сосредоточенной, вежливой, сдержанной – и препоясанной мечом – баронессы.

К тому же странности водились и за ней.

Зверда была едва ли не единственной обительницей замка Маш-Магарт, которую не на шутку злила нескромность местных жителей.

А если бы у Лида кто-то спросил, какими безусловно положительными качествами обладают барон Шоша и его супруга, он бы не задумываясь ответил: смелость.

Хозяева Маш-Магарта были людьми отважными, причем отнюдь не безрассудно отважными, какими делает воинов и кузнецов Мед Поэзии.

Они всегда шли в бой сосредоточенными, собранными, словно бы отсутствующими на этом свете.

Посвистывал в руках Шоши змееживой бич, мертвящим крылом нетопыря хлопотал в руках Зверды клинок, один за другим наземь падали искромсанные «браслетоносцы». А хозяевам Маш-Магарта, казалось, было немного скучно между жерновами Судьбы, которые в тот день перемололи в прах треть объединенных баронских дружин.

И все ради того, чтобы как встарь над угрюмыми замками возвышались страховидные штандарты древних кланов.

Чтобы не торжествовало над ними огненно-золотое знамя Союза и чтобы никто не водружал над баронскими воротами позорных досок: «Ленное владение Такого-Растакого, милостию Харренского Союза подтвержденное».

Бароны желали владеть своими лесами и угодьями, реками и озерами, холопами и небесами милостию клинка, а не чуждого им по крови и обычаям северянина.

Смелость барона Шоши окупилась и на этот раз.

Когда он и его люди были шагах в тридцати от придорожной стелы, случилось одно из тех необъяснимых явлений, которые Лид давно уже научился не замечать. В конце концов мнимые слепота и безразличие были одними из главнейших условий его найма.

Снег, почти неразъезженный на этом непопулярном тракте, поднялся в воздух со звуком, который иначе как «скрипучим хлопком» назвать было нельзя.

Словно бы под снегом вокруг Шоши и его всадников была разложена гигантская простыня, которую вдруг резко дернули за четыре угла горничные-великанши. Фонтаны искристой пыли, тучи и вихри белого тумана поднялись по обеим сторонам тракта, полностью скрывая от взора происходящее близ стелы.

«Гамэри!» – взревела пехота за спиной Лида.

Этот клич он слышал уже не раз. В переводе с местного диалекта – «след зверя».

Или След Зверя – в зависимости от того, какой смысл вкладывать в эти слова. Так при первой же встрече сказала Лиду Зверда, добавив с призрачной улыбкой, что мир полон чудес. К счастью, не всегда «опасных и дивных», но также порою «милых и полезных».

Когда снег осел на тракт и ветви деревьев, барона и его удалыцов уже и след простыл. Только к прежним трупам прибавились еще два – пробитые выпущенными наугад стрелами. Но несмотря на то, что трупы изрядно притрусилось оседающим снегом, Лид понял, что барона среди них нет: оставшиеся без седоков животные были кобылами. Барон Шоша ездил на жеребце.

– Хвала Гаиллирису! – громко провозвестил Лид, под началом которого остались восемьсот пехотинцев, за которых он головой отвечал перед Шошей. – Первая, вторая, третья, чет-

вертая сотни, в пять шеренг фронтом – передо мной! Пятая, шестая – колонной по пять под левую руку! Седьмая, восьмая – колонной по пять под правую руку!

Дождавшись, когда перестроения будут выполнены, Лид повел дружину ровным шагом вперед.

До заката оставалось полтора часа. Лид все еще не видел перед собой ни одного неприятельского солдата. И на склонах горы Вермаут больше не было заметно ни малейшего движения.

3

Передние ряды пикинеров и арбалетчиков равнодушно прошли по телам убитых лошадей и воинов. Они должны были держать строй – вот и держали.

Лид был защищен с трех сторон незамкнутым каре пехоты, а спину его прикрывал санный обоз. И все равно он напрягся: от шальной стрелы никто застрахован не был.

В центре боевого порядка Лида можно было поразить стрелой, выпущенной «навесом». А вот как раз пикинеры были почти неуязвимы за своими высокими щитами.

Однако ни одна стрела не нарушила больше дневного безветрия.

На правом фланге между солдатами пронесся легкий ропот. Но спешенный Лид не видел того, что видят они.

Наконец сквозь ряды солдат к нему протолкался один из сотников.

– На северном тракте вдалеке видна засека. Много деревьев, навалены чуть не в два человеческих роста, все лежат вершинами к нам. Отменная засека, чин чином. Думается, зажечь ее нет возможности – ее всю сплошь водой залили, вода замерзла и стала как панцирь. На такой засеке можно половину всех людей растерять...

Как и всякий профессионал, сотник по достоинству оценил чужой профессионализм. Добротная засека на лесной дороге может превратиться в препятствие похлеще иной каменной крепости.

Прорваться через засеку можно только с большим кровопролитием, а закладывать крюк через лес по глубокому снегу значит смириться с мыслью, что весь обоз останется здесь, на полпути к вожделенному замку Гинсавер.

– О потерях забудьте, сотник. Это война, а не Новый год, – раздраженно оборвал его Лид. Несмотря на свою показную непреклонность, военный советник был растерян.

Положим, до того как они получают сигнал с горы, дружина может не думать о засеке и отдыхать. Однако потом раздастся условленный крик, означающий лютый бой с людьми Вэль-Виры, бессмысленные потери, не исключено – утрату обоза. Это совсем не то же самое, в чем Лида задумчиво уверял барон Шоша!

На Лида внезапно нахлынула злость. А, будь что будет! Он тоже может себе позволить маленькое безумие в духе барона Шоши.

– Помогите мне, сотник, – приказал Лид.

Вновь оказавшись в седле, Лид воочию убедился, что сотник не ошибается.

Засека была даже внушительней, чем он поначалу вообразил. Уходящие в лес отсечные бревна, закрепленные вбитыми со стороны неприятеля рогатинами, свидетельствовали о том, что засека имеет поперечную перевязь и способна выдержать даже натиск харренских осадных катков.

У Лида промелькнула диковатая мысль, что с таким расчетом засеку и строили, словно бы здесь, на Фальме, была некая сила, способная развить мощь осадного катка...

Внимательно приглядевшись, Лид различил и защитников засеки. То здесь, то там в лесу среди сугробов можно было заметить едва уловимое движение белых охотничьих шапочек из кожи, снятой с козьей головы. Это были пресловутые пластуны Вэль-Виры. Именно они скорее всего разделались с конными разведчиками.

Однако пластуны – это полбеда. Их совсем мало, не больше сотни, они не могут быть достаточным гарнизоном для такого капитального сооружения, как эта засека. Скорее всего где-то за непроницаемым плетением обледеневших еловых ветвей и стволов стоит сейчас готовая к бою колонна тяжелой пехоты барона.

– Ла-аге-рем становись! – приказал Лид, снимая шубу и препоручая ее сотнику. – Десять пикинеров из восьмой сотни ко мне!

4

Зрелище было невеселым, хотя Шошу, наверное, смогло бы рассмешить.

К засеке, не смущаясь нацеленными на него неприятельскими стрелами, направлялся Лид верхом на коне. Грудь коня, его бока, а также ноги Лида прикрывали приподнятыми щитами пикинеры. В руке Лид держал вертикально восставленную совну, к которой был прикреплен за неимением лучшего длинный кусок серого холста из обоза.

На Севере, в отличие от княжества Варан, парламентарским цветом был белый.

Лид очень надеялся, что серая холстина сможет выразить его основную мысль: «Стрелять не надо, хочу переговорить».

Пока что в него действительно не стреляли. На расстоянии тридцати сажень от засеки Лид остановил коня.

– Мое имя Лид, кто еще не узнал меня по доспехам! Почти все вы помните меня по осеннему делу в Урочище Серых Дроздов! Тогда мы сражались плечом к плечу, теперь можем перебить друг друга на радость сотинальму. Я хочу переговорить с бароном Вэль-Вирой или его доверенным лицом!

Настороженное молчание. Низкое солнце истязает глаза и высекает искры из глубин нежного снега.

Сергамена появился бесшумно и легко, и так же быстро исчез. Два-три грациозных изгиба позвоночника, не имеющего позвонков, пять-шесть пульсаций источника жизненной силы, не имеющего ничего общего с сердцем.

Только и всего. А на том месте, где только что был Лид, билась в истерике ужаса сбитая мягким ударом с ног лошадь, вминая в снег оброненную совну с серой парламентарской холстиной.

Трудно было на глаз определить размеры сергамены.

Одному из пикинеров, которого сергамена сшиб с ног заодно с лошастью Лида, показалось, что сергамена по размерам никак не уступит быку. Другой мог поклясться, что сергамена не больше лесной кошки, однако как такому небольшому существу удастся тащить в зубах взрослого мужчину в доспехах, он был объяснить не в силах.

Сергамена серой молнией метнулся в лес, волоча Лида за широкий и прочный кожаный пояс, главную составную часть оружейной перевязи.

К чести Лида, он не хлопнулся в обморок от ужаса и, извиваясь всем телом, исхитрился вытянуть из ножен дагу, двухладонный клинок левой руки.

Проносясь с захватывающей дух скоростью на расстоянии в толщину волоса от ветвей, каждая из которых могла разmozжить ему голову, Лид нанес сергамене подряд несколько ударов в основание шеи.

Шерсть сергамены пружинила, как чешуи двойного панциря – в точности по описаниям Аваллиса. Самым страшным и необъяснимым было то, что острие даги отчего-то не могло раздвинуть эти чудесные шерстинки, доискаться плоти сергамены и войти в нее хотя бы на сколько.

Сергамена не проявил особой обеспокоенности. Но во время очередного прыжка левая рука Лида отчего-то повстречалась с вылетевшим из строя своих собратьев стволом дуба. Еще прыжок – и Лид кубарем покатился по снегу. Сергамена приземлился на снег рядом с Лидом, опустил тому на грудь передние лапы и его змеистые зрачки-черточки повстречались с расширившимися во всю радужку зрачками военного советника.

– Гамэри! – невидимый строй за засекой взорвался восторгом. – Гамэри!

Это был уже второй След Зверя, виденный в тот день воинами обеих враждующих сторон. Но торжествовал на этот раз служилый люд Вэль-Вир.

Лид не слышал их воплей. Тело его находилось в двух лигах от засеки, у самого подножия горы Вермаут. А сознание временно расторгло счастливый брак с органами чувств. Сознание Лида, как и сергамена, гуляло само по себе.

Глава 2

Расценки на зимнюю навигацию

*Ненастье и штормы в холодное время года делают море Савват практически непригодным для плавания.
Лоция Южных Морей*

1

- Опасно пускаться в плавание по такой погоде, гиазир Эгин.
 - Это я знаю.
 - Неужели никак невозможно дождаться конца месяца?
 - Невозможно. Мне нужно быть в столице.
 - Ну я, допустим, ладно. Я, допустим, согласен. Но капитан будет против. Он свободный человек, между прочим.
 - То есть вы даете свое согласие?
 - Кто вам это сказал?
 - Ну вы же сами только что сказали, что «ладно». Вы же градоправитель, Вица! А не девка с Угольной Пристани.
 - Я градоправитель, да... Но капитан будет против. Да и матросы... не изъявят особого восторга.
 - Я дам им денег.
- Градоправитель посмотрел на Эгина опасливо, но не без иронии. Еще с прежних времен, когда Эгин был тайным советником на Медовом Берегу, Вица побаивался его. Но с недавних времен он стал позволять себе в отношении Эгина иронию, плавно переходящую в презрение и обратно.
- Дело в том, что у Эгина не было денег. То есть денег в том количестве, которые, собственно, и называются этим словом – «деньги». А уважать человека просто так, за порядочность, благородство или находчивость Вица не умел и не тщился научиться. С тех пор как Эгин перестал быть аррумом всемогущего Свода Равновесия, при одном упоминании которого у градоправителей слабели колени, причин к тому, чтобы бояться Эгина, тоже особенно не осталось.
- Вот вы говорите «дам денег». Но позвольте, гиазир Эгин, разве у вас есть деньги? – с сомнением поинтересовался Вица.
 - У меня их нет.
 - «То-то и оно!» – хотел брякнуть Вица, но все-таки сдержался. Гиазир Эгин – бывший аррум. Он может наслать порчу – или как там это у них в Своде по-научному называется. Злить его не стоит.
 - У меня нет денег, – повторил Эгин. – Но человек, к которому я еду, правая рука гнорра Свода Равновесия. Он оплатит услуги моряков по утроенному тарифу.
- Вица мысленно взвесил последний аргумент Эгина. Видимо, тот оказался не особенно весомым.
- А вдруг нет?
 - Что «нет»?
 - Вдруг не оплатит?

– Разве в прошлом я давал поводы сомневаться в правдивости собственных слов? – с нажимом спросил Эгин.

– Не давали... но как енто говорится... «доверяй, но проверяй»! Мало ли что?

Эгин вздохнул. Разумеется, он – хоть и бывший, но аррум Свода Равновесия – умел гипнотизировать человеческих кроликов.

Приложив совсем немного стараний, он мог бы заставить Вицу сплясать фривольный танец на обеденном столе, размахивая над головой портками (четыре года каторжных работ по Уложениям Жезла и Браслета).

Мог бы заставить его, куражу ради, продекламировать анонимные стишки о сиятельной княгине Сайле (шесть лет каторжных работ).

Всему этому Эгина учили во время подготовки ко Второму Посвящению. Однако с некоторых пор он старался жить так, чтобы знания, вынесенные из Четвертого Поместья, никогда не шли в ход. Жить, пока не случатся чрезвычайные обстоятельства.

И вот они, чрезвычайные обстоятельства. Значит ли это, что следует вспоминать забытое? Похоже, что да.

Правда, ни фривольный танец, ни анонимные стишки были Эгину ни к чему. Ему нужно было в Пиннарин. А для этого ему требовалось судно, которое довезет его до Нового Ордоса.

– Послушайте, Вица... – начал Эгин, понизив голос до полусшепота.

Зрачки его впились Вице прямехонько в левый глаз. Большой и указательный пальцы левой руки Эгина были сомкнуты в кольцо, в то время как пальцы правой, сложенные щепотью, исподволь приблизились к самому носу Вицы.

– ...Это совершенно неотложное дело. Такой патриот, как вы, должен это понимать. Что деньги? Гря-азь... Патриотизм выше денег...

Эгин говорил нараспев. Его левая рука сейчас оттягивала на себя хилую волю Вицы, правая – владела поводьями сознания.

– Всякий патриот понимает, что гиазеры из столицы прямо-таки швыряются деньгами. Им некуда девать деньги. Вы же сами видели, сколько мотов в Пиннарине. Каждый нужник в столице отделан чистым золотом. Каждому матросу гиазер из столицы даст втрое от обычного, если «Гордость Тамаев» отвезет гиазера Эгина в Новый Ордос. Это же очевидно...

– Очевидно, это совершенно очевидно, – повторил Вица.

– И капитан получит богатые подарки. Вы ведь ручаетесь за честность столичного гиазера и гиазера Эгина. Вы – патриот, вы ручаетесь...

– Я патриот... я ручаюсь, – ручной обезьянкой кивал Вица.

– В том письме, что принес сегодня почтовый альбатрос из Пиннарина, так и было сказано: тройное жалованье. Вы ведь сами видели это письмо... – продолжал Эгин, создавая мыслеобраз футляра для писем.

– Видел... конечно, видел... своими глазами... тройное жалованье...

– И вас прямо-таки распирает от нетерпения пойти и сообщить это все экипажу «Гордости Тамаев». Прямо-таки распирает. – Голубые глаза Эгина были прозрачны, как воздух, в мозгу у Вицы было так же прозрачно и светло.

Прозрачно и светло.

– Меня распирает... – Вица расстегнул тесный ворот камзола. – Меня совершенно распирает...

2

Гордиться Тамаям было особенно нечем.

«Гордость Тамаев» была судном новым, что в кораблестроительном деле Варана отнюдь не всегда являлось достоинством. Сработанным из поганого вайского дерева. Паруса были скроены из обносков аютского флота, каюты тесны, не обшитое медью днище успело зарастить раковинами.

Команда и капитан были наемниками города Вая, частично оплачиваемыми из скудной городской казны, а частично пребывавшими на самоокупаемости.

Когда два года назад город оказался под угрозой нападения «костеруких» и Эгин (тогда – тайный советник уезда) объявил срочную эвакуацию, оказалось, что все плавсредства, вместе взятые, в состоянии принять от силы половину населения.

Урок был жестоким, но полезным.

После резни насмерть перепуганному городишке во что бы то ни стало захотелось иметь свой собственный корабль. Хоть бы и плохонький, но свой – чтобы в любой момент погрузить пожитки и сбежать от очередной напасти в Новый Ордос. Вая получила разрешение у Гиэн-неры и таки построила корабль – плохонький, зато свой.

Если б не «Гордость Тамаев», выбраться с Медового Берега можно было бы только посуху, попытавшись преодолеть заваленные снегом перевалы Большого Суингона. Подобное предприятие и среди оседлых вайских жителей, и среди кочевых горцев вполне заслуженно считалось равнозначным самоубийству.

Другие варанские корабли заходили в Ваю ровно четыре раза в год. Причем все четыре раза приходились отнюдь не на зиму.

Эгин об этом помнил. И потому относился к матросам, в половине из которых можно было по ухваткам и лексикону узнать беглых каторжан, с должным снисхождением. А к капитану он даже заходил иногда поболтать.

Правда, болтать с человеком, каждая реплика которого начиналась словом «думается», Эгину было решительно не о чем. Но он чувствовал себя в некотором смысле обязанным. Ведь денег капитан пока что не получил ни авра, а четвертая часть пути до Нового Ордоса уже была позади. Вица отлично выполнил свою роль патриота, знатока столичных мотов и поручителя.

Кстати говоря, письмо из столицы у Эгина действительно было.

Написал его действительно весьма влиятельный человек. Звали этого человека Альсимом и был он приятелем Эгина со времен мятежа Норо окс Шина. А заодно и пар-арценцем Опоры Вещей, то есть птицей весьма высокого полета.

Эгину вспомнилось, что, останься он в Своде после заварухи на Медовом Берегу, тоже был бы теперь, пожалуй, пар-арценцем. Или первым заместителем пар-арценца.

Но сердце его не затрепетало от осознания этого факта, как затрепетало бы у девяносто девяти из ста служак Свода. Эгину было решительно все равно. Стал бы, да не стал.

А Альсим стал. И был ревностным служителем Князя и Истины. Настолько ревностным, что пошел против Уложений Свода, послав Эгину письмо.

Направлять частным лицам почту при помощи ученых альбатросов офицерам Свода было категорически запрещено. И кому, как не Альсиму, было об этом не знать! Никто столь не уязвим для всепроникающих очей упырей из Опоры Единства, как высшие чины Свода. Альсим фактически рисковал не только должностью, но и жизнью, отправляя Эгину сверхсрочную корреспонденцию.

Что же писал Эгину Альсим?

«Любезный друг Эгин,

Смею думать, ты в добром здравии. Пиннарин сходит с ума. Очень неладно с Небесным Гиазиром. Мое слово, рассчитываю только на твое присутствие. Промедление хуже смерти.

Во имя Князя и Истины!

Кланяюсь, А.»

Разумеется, ни о каком тройном жалованье матросам и подарках капитану речь в письме не шла. О такой ерунде, как финансирование морского путешествия Эгина в Новый Ордос, а затем сухопутного – в Пиннарин, Альсим, разумеется, не вспомнил.

Скорее всего дело здесь было даже не в том, что сытый голодному не товарищ. И не в том, что Альсим, живущий на всем готовом и не испытывающий нужды в деньгах, просто не знал о скудости доходов Эгина, который два года назад добился беспрецедентного увольнения из рядов Свода (откуда по традиции уходили только вперед ногами) и не получил никакой пенсии. А в том, что у Альсима от неких загадочных событий чрезвычайной важности мозги разжижились и стекли в сапоги.

Об этом свидетельствовало соседство светского «кланяюсь» с официальной формулой «Во имя Князя и Истины», которую обычно помещали в конце дипломатических нот и важных циркуляров.

В пользу этого говорила и фраза «промедление хуже смерти». Что может быть хуже смерти? Ну уж не так называемое бесчестие, как полагают некоторые идиоты. Офицеры Свода это знают. Хуже смерти может быть только смерть в Жерле Серебряной Чистоты. Если речь идет об этом, то чем здесь может помочь он, Эгин?

«Рассчитываю только на твое присутствие», – писал Альсим.

И это тоже очень странно. С каких пор пар-арценцы Свода Равновесия рассчитывают только на приезд в столицу друга, находящегося на покое в какой-то глухой провинции?

А Пиннарин тем временем «сходит с ума».

В каком-то смысле столица княжества всегда только то и делает, что сходит с ума. Разве можно расценить иначе прошлогоднее празднование юбилея сиятельной княгини Сайлы? Тогда весь столичный рейд был залит оливковым маслом, чтобы ни одна волна не мешала пению шести хоров, стоящих на стилизованных под раковины жемчужниц плотах, влекомых к Пиннарину со стороны открытого моря.

Разве это не признак сумасшествия столицы, когда девушкам, застигнутым за нарушением Уложений Жезла и Браслета в форме Первого Сочетания Устами, в качестве самого мягкого наказания татуируют на щеке звезду, уродуя лица и обрекая на вечное поругание?

В каком-то смысле Пиннарин всегда безумен. Безумец не может сходить с ума. С другой стороны, это безумие в Пиннарине – норма. Так было всегда и будет еще долго. Что же в таком случае значит фраза Альсима?

И наконец, гнорр Свода Равновесия. Конечно, именно его имел в виду Альсим, говоря о Небесном Гиазире.

Лагха. Единственный Отраженный, по иронии судьбы вставший на вершине пирамиды, построенной для искоренения Отражений и Изменений. На вершине Свода.

Лагха. Муж единственной женщины в Круге Земель, любовную привязанность к которой Эгин не сумел в себе искоренить за несколько лет разлуки.

Человек, отнявший у Эгина Овель, в которой сам не нуждался.

С ним-то что неладно? Может быть, простудился? Что значит это слово – «неладно»? Наш гнорр не в духах и хочет развеять дурные мысли в обществе просвещенного собеседника с Медового Берега? Да почему ему, Эгину, должно быть до всего этого дело?

Так или иначе, Эгин принял решение ехать в Пиннарин вечером того же дня, когда почтовый альбатрос Свода сел у него на дворе.

Письмо действительно писал Альсим. Об этом свидетельствовала даже не столько подпись «А.» в конце, сколько След Альсима. След очень и очень перепуганного человека.

3

«Можно было и не отзываться на такие сумасшедшие письма», – подумал Эгин.

Заложив локти под голову вместо подушки, Эгин лежал на своей койке в одной из двух пассажирских кают «Гордости Тамаев».

Несмотря на то, что каюта находилась не в трюме, а в кормовой надстройке, она была сырой и тесной. Кроме кровати в ней находились лишь крошечный сиротский столик и сундук для вещей.

Вещей у Эгина было мало. Поэтому его вещевой мешок попросту стоял на крышке сундука. А выходные камзол, рубаха и рейтузы качались туда-сюда на гвозде, вбитом в стену.

В матрасе водились худые и очень кровожадные блохи. В раме узенького окна свистел ветер.

Впрочем, такой же точно была и соседняя каюта. Эгин предпочел эту лишь потому, что в ней была подставка для меча, располагавшаяся параллельно изголовью ложа. «Облачному» клинку Эгина, стало быть, здесь было куда комфортнее, чем в соседней каюте.

Судно шло вблизи берега. Погода была плохой, но с учетом времени года ее можно было назвать сносной. «Гордость Тамаев» неистово подпрыгивала на волнах. Экипаж, кроме вахтенных, крепко спал, источая винный дух. Эгин маялся бездельем.

Все думы были передуманы. От этих дум, а может, и от качки, Эгина уже начинало подташнивать. Письмо Альсима было прочитано десятки раз. Платье – почищено.

Последние два года на Медовом Берегу Эгин обходился без столичных мод. Без камзолов, рейтуз, курточек, колетов и батистовых рубашек. Без носовых платков и духов.

На Медовом Берегу он ходил в штанах из овечьей кожи хорошей выделки и в холщовой рубахе до середины бедер. То есть одевался так, как все мужчины Ваи. Но в вежественном Пиннарине этот костюм был в высшей степени неуместен.

Размышляя в этом духе, Эгин встал с койки с намерением переложить почищенное платье в вещевой сундук.

Встал и – сомнений быть не могло! – сквозь шум волн за окном отчетливо различил дыхание человека. Человеческого существа. Но откуда, милостивые гиацинты?

Стараясь действовать бесшумно, он снял с крышки сундука свой баул и по возможности так же бесшумно поставил его на пол каюты.

Резким движением открыл крышку.

В сундуке, уткнувшись носом в сухую ветошь, сонно посапывал, свернувшись клубком, мальчик лет двенадцати.

Лицо его показалось Эгину знакомым. Воришка?

– Кукареку, – сказал Эгин тоном воспитателя, опускающего розги в бадейку с соленой водой.

4

– Ну? – спросил Эгин, когда мальчик протер глаза и уселся на койке с чашкой горячего травяного отвара.

Рядом с ним Эгин положил сухари – единственное, что было в каюте съестного. Мальчик выглядел бледным и голодным.

– Ну и вот.

– То есть, по-твоему, я не найду способ отправить тебя назад?

– Думаю, не найдете.

– Почему ты так думаешь?

– Потому что слышал, как капитан вас называл. За глаза.

– И как именно?

– Он вас по матери называл. Извините, – добавил мальчик.

– Извиняю. И что?

– Ну, если его еле-еле удалось уговорить выйти из Ваи в Новый Ордос, то слабо верится, что вы сможете уговорить его вернуться в Ваю, чтобы меня вернуть, и потом еще раз выйти в Новый Ордос за вами. Ему это не выгодно.

«Ну стервец!» – мысленно похвалил Эгин мальчика за наблюдательность и сообразительность. Но выражение строгого недовольства Эгин со своего лица решил не сгонять. Из педагогических соображений.

– Да, мне это не выгодно. Ты все правильно просчитал. Сдаюсь. А почему ты думаешь, что мне выгодно ссориться с твоими родителями? Они ведь Шиолол знает что могут подумать! Они ведь подумают, что это я тебя уговорил. Или заманил ехать в Новый Ордос, чтобы там продать. Больше-то здесь никто никуда не едет, не считая команды!

– Во-первых, никакого Шиолола нет, – заявил мальчик.

– А во-вторых?

– А во-вторых, мои родители... Ничего они не подумают!

– Это почему? Или ты им честно сказал, что собираешься тайком пробраться в трюм, потом в каюту к гиазире Эгину, залезть в сундук и зайцем ехать до Нового Ордоса?

– Я им этого не говорил.

– Вот именно! Почему?

– Потому что им все равно.

– Что значит все равно?

– То и значит. Они даже не заметят.

Эгин не нашелся что ответить. Да, есть и такие родители на белом свете.

– Ну хорошо, а как тебя зовут?

– Никак.

– Нет. Так не пойдет. Всех людей как-нибудь да зовут. Ведь верно?

– Ну, верно.

– И тебя тоже как-то звали, когда ты жил на Медовом Берегу.

– Ну да. Но только мне не нравится.

– Что именно?

– То, как меня звали. Я вам не скажу как.

– Как же мне тебя называть?

– Да наплевать как.

– Не хами. Все-таки ты сидишь в моей каюте и лопаешь мои сухари.

– Спасибо, – буркнул мальчик.

Эгин понимал, что резкость мальчика проистекает не столько от неотесанности, в целом свойственной молодому поколению Медового Берега, но в основном от страха.

От страха перед морем, бушующим за бортом. Перед Новым Ордосом, перед Пиннарином. Перед Эгином, обладателем странной репутации, хозяином «облачного» клинка.

– Вы ведь не выкинете меня в море? – спросил мальчик с ехидцей.

– Посмотрим по твоему поведению, – с педагогическим прищуром ответил Эгин.

– Тогда назовите меня на свой вкус. А я буду отзываться.

– Ты что, серьезно?

– Серьезно, – сказал мальчик. По выражению его лица Эгин понял, что на этот раз мальчика непоколебим.

– Тогда я называю тебя... называю тебя...

И тут Эгин впал в неожиданное замешательство. Вопрос, казалось бы, был простым. Но в то же время – таким сложным! Ни одно благозвучное мужское имя не приходило Эгину в голову. На языке вертелась всякая ерунда: Пеллагамен, Диннатолюц, Ларв...

И вдруг Эгин вспомнил про человека, с которым прибыл около двух лет назад на Медовый Берег. Про такого же, как и он некогда, офицера Свода Равновесия. Только из Опоры Безгласых Тварей. Про мастера альбатросов и псов, понимавшего языки животных, про юбочника и остроумца. Про человека, который отдал свою жизнь ради спасения его, Эгина, драгоценной шкуры.

– Что ж, называю тебя... Есмаром. Тебе нравится?

– Есмаром? Ничего, жить можно.

5

Последовавший за этим час настойчивых расспросов позволил Эгину прояснить ситуацию, а заодно узнать кое-что о биографии нового пассажира «Гордости Тамаев». Эта биография показалась Эгину весьма примечательной.

Матерью Есмара была женщина, рожденная горянкой от жителя Ваи. От нее пострелу достались авантюризм, черные как угли глаза и худощавое сложение. Отцом же Есмара был один из рыбаков Ваи, горький пьяница и скандалист. Есмар помогал ему на промысле и нырял за губками вместе со старшими братьями. Судя по рассказам Есмара, он научился нырять раньше, чем научился ходить.

Несмотря на низкое социальное происхождение, восьми лет от роду Есмар пошел в школу. Тогда вайским учителем был незабвенный Сорго. Тот самый, что невиданно возвысился в последние два года до придворного поэта Сиятельной Княгини и получил дворянский титул вместе с приставкой «окс».

Тогда же Сорго исполнял обязанности всех без исключения учителей – от грамматики до музыки, по совместительству был Начальником Почты и неистово графоманил в подражание древним поэтам.

Видимо, Сорго был неплохим учителем. Так или иначе, ему удалось возбудить любовь к знаниям, открытиям и подвигам по крайней мере у одного ученика. Того самого, что сидел сейчас на койке Эгина. И эта любовь заполонила всю его маленькую и несмышленную голову.

Книги и изложенные в них истории о подвигах и славе возбудили в душе Есмара неутолимый героический зуд.

Особенно пагубную роль в деле задуривания несовершеннолетней головы сыграл Валиатон со своим трудом «О невозможных вещах», с которым Есмар познакомился уже при приемнике Сорго – гиазире Набе. Именно оттуда он впервые узнал о существовании Ита. И воспылал страстью к этому жутковатому и притягательному городу.

– Я хочу попасть в Ит. У меня там дело. И поэтому мне нужно в Пиннарин. От Пиннарина до Ита – рукой подать.

– На месте учителя я бы выговорил тебе за пренебрежение географией. До Ита даже гонцы почтовой службы добираются не меньше десяти дней. Так они лошадей меняют по четыре раза в сутки и сами сменяются!

– Это неправда! – убежденно выпалил мальчик, а губы его безмолвно повторили «не меньше десяти дней».

– В том-то и дело, что правда.

Есмар помолчал, что-то усиленно калькулируя в уме.

– И все равно, мне надо в Пиннарин.

Что именно нужно было мальчику в цитадели северной магии Ите, Эгин так и не смог доискаться, отложив этот вопрос на потом. Но решимость попасть туда у Есмара была впечатляющей. Такой могли похвалиться немногие взрослые.

В тот день, когда градоправитель Вица пошел уговаривать капитана «Гордости Тамаев» свезти Эгина в Пиннарин, Есмар помогал отцу на пристани. Развешивал сети для просушки.

Ни Вица, ни капитан не считали нужным таиться от несмышленного мальчика, а тот был не прочь послушать. Когда он услышал слово «Пиннарин», он понял, что наступил его день. День его свершений, день его бегства.

Есмар опрометью бросился домой, сложил в котомку краюху хлеба, бутыль с водой, свои скудные пожитки и прибежал на пристань. На отцовской лодке он доплыл до судна, залез по якорному канату на борт и, пройдя на цыпочках мимо в стельку пьяного вахтенного, забрался в трюм. Где и просидел, стойчески поглощая хлеб и запивая его водой, два дня.

Когда хлеб был съеден, а вода закончилась, он решил, что лучше неласковый гиазир Эгин, чем совсем уж неласковый матрос, который неровен час обнаружит его в трюме, выдерет по первое число и, чего доброго, выбросит за борт. В том, что матросы «Гордости Тамаев» способны на такое, Есмар не сомневался.

– Однажды они утопили кошку, которая украла у повара рыбий хвост, – возмущенно сверкнул глазами Есмар.

Глава 3

Чернокнижник из казенного посада

*Чернокнижие карается смертью.
Табличка у входа в публичную библиотеку Пиннарине*

1

Вьюга бушевала всю ночь, и только перед самым рассветом воющий зверь, западный ветер, прозываемый в Центральном Варане «грютто», уполз в свою берлогу. «И злобно ворчит в полусне под Мостом, что построен Хуммером», – вывела рука Сорго окс Вая на полях лимонно-желтого листа.

В Пиннарине, где уже больше года Сорго обретался со своей супругой, никакой вьюги не было и быть не могло. В Пиннарине снег выпадал редко, огромными разлапистыми хлопьями и, как правило, больше одного дня не держался. Но Сорго словно бы собственными ушами слышал неприкаянные завывания «грютто», всю ночь певшего свою невеселую песнь над руинами Староордосской крепости.

Сорго записал песнь ветра (Песнь Девятая. «О том, как харрениты разорили Ордос»), помахал листом, положил его сверху внушительной кипы таких же и задул свечу.

Последнее следовало бы сделать еще час назад, но во время припадков вдохновения поэт не обращал внимания на такие мелочи. По харренскому часослову начинался Акоталид, второй послерассветный час.

Сорго вышел из кабинета, запер его на ключ, прошел по коридору, открыл дверь в спальню и тихонько кашлянул.

Нет ответа. Значит, Лорма еще не проснулась. Хвала Шилолу, уж она бы ему задала взбучку за непотребный порядок сна и бодрствования!

Стараясь ступать бесшумно, Сорго прокрался в спальню, разделся и осторожно забрался под одеяло с Тамаевскими геральдическими рыбами.

Лорма спала, отвернувшись к стене и тихонько посапывая. Еще один вполне успешный день поэта Сорго окс Вая завершился.

Лоло Хромоножка, он же Лараф окс Гашалла, вышел за ворота, когда солнце только только заглянуло в долину, раскроив лезвиями теней башню Тлаут – единственную из дальнострельных башен ордосской крепости, которую не удалось уничтожить харренитам при уходе из бывшей столицы Варана.

Начинался еще один вполне бессмысленный день Ларафа окс Гашаллы.

Волокуши уже были заложены. Кучер Перга и незнакомый приказчик, из-за появления которого, собственно, Ларафа и разбудили, лутили жареные фисташки.

– Лараф окс Гашалла, старший распорядитель мануфактуры.

– Хофлум Двоеженец, – степенно представился приказчик.

«Двоеженец» он произнес так, словно это было неслыханно почетное прозвище: Дважды Грютский, например. Или Молниеносный.

– Плохи наши дела, господин Лараф, – начал приказчик, когда сани тронулись. – Предупреждали меня, что в Старый Ордос лучше не соваться, да не думал я, что здесь и впрямь такой стрём, как рассказывают. Все-таки у вас здесь вот... вроде... офицеры, стража...

– Так что случилось-то?

– Выехали мы с постоянного двора, который возле Сурков, ранним утром. Думали быть у вас еще засветло.

Действительно, от Сурков до мануфактуры было десять лиг. Даже в метель санному поезду потребуется от силы шесть часов, чтобы покрыть такое расстояние. Хофлум продолжал:

– В ущелье мы въехали часа в три дня. Вы знаете, склоны там не отвесные, но все ж таки изрядно крутые. И вот по этому-то склону на нас словно бы скатываются двое. Пешие, без лыж, в высоких сапогах и плащах хорошего сукна. По всему видать – офицеры.

Лараф недовольно оттопырил нижнюю губу.

У них на мануфактуре было не принято говорить «офицеры». Чересчур явно это слово указывало здесь именно на Свод Равновесия. Ни пехотных, ни кавалерийских, ни тем более флотских частей в окрестностях Старого Ордоса не было.

Офицеров Свода на мануфактуре называли обтекаемо: «люди из крепости». Говорили: «Снова двое из крепости к нам приходили». Или: «Повстречал одного из крепости».

Руины бывшей варанской столицы, как и весь Староордосский уезд, кишмя кишели офицерами Свода Равновесия. В уезде об этом знал каждый. Потому что рядом с руинами крепости, давно уже объявленными запретной зоной, находились Высшие Циклы, из которых выходили свежее испеченные эрм-саванны всех Опор Свода.

Сам по себе этот факт уже являлся государственной тайной. Но даже тем, кто не знал точного названия учреждения, было ясно, что и руины, и окрестности – недобрые. Здесь смердело и магией, и теми, кто эту магию истребляет при помощи Слов, Знаков и Вещей.

Но приказчику Хофлуму, который привез свой товар издалека, все эти тонкости были безразличны.

– И вот эти двое кричат нам, чтобы мы остановились. Мы, понятное дело, останавливаемся. Ворочайте назад, говорят, в Сурки. Я спрашиваю: как так – назад? Мы и так товар задержали, а товар у нас непростой. Может, говорю, слышали, чем заняты в Гашалловой мануфактуре? Сие предприятие, говорю, большую пользу для Князя и Истины имеет, а потому извольте нас пропустить. Мы и так опаздываем изрядно. И показываю им нашу подорожную.

«Ну дает деревенщина! – восхитился Лараф. – Мало кто осмелится препираться с офицерами Свода. Впрочем, у них там, на востоке, с этим, говорят, и впрямь попроще. Вроде как даже там и на благонаравие сквозь пальцы смотреть стали».

– Проверили они подорожную, проверили все сани. «Нет нам никакого дела до вашего товара, – отвечает наконец тот, что постарше с виду. – Ворочайте взад, в Сурки. Это все ваша вина, что товар до холодов задержали. Если месяц уже проволынили, так Гашалла до послезавтра потерпит». А я ж помню про уговор насчет месяца и одного дня, это ж значит хозяина под убытки немереные подводить... Тогда я отошел в сторонку с тем офицером, что постарше, и говорю: так, мол, и так, ваше сиятельство...

«Он бы его еще „величеством“ назвал», – мысленно усмехнулся Лараф.

– ...Очень уж надо нам в мануфактуру поспеть до срока. Вы уж не обессудьте, вот тут, говорю, в мешочке у меня...

Хофлум примолк, покосился на спину кучера и выразительно потер большим пальцем об указательный и средний. После экспериментов деда покойного супруга ныне здравствующей Княгини с бумажными ассигнациями этот жест вошел в моду и означал только одно: деньги.

– Вы серьезно? – вытаращился Лараф на Хофлума.

Предлагать взятку офицеру Свода? Да не где-нибудь, а неподалеку от одного из главных секретных учреждений княжества?

Хофлум хитро улыбнулся и утвердительно покачал головой. Дескать, да, господин распорядитель, мы хоть и пишемся без «окс», да зато в этой жизни побольше вашего умеем.

– Серьезнейше. Ну а что здесь такого? Я с оглядкой всегда даю. Я по глазам сразу вижу: возьмет человек или нет. Вот когда покончим с делами да бумаги подпишем, я вам и не такое расскажу. – Хофлум самодовольно погладил свою бороду и примолк.

Лараф вдруг подумал, что Хофлум, возможно, совершенно нагло врет. Набивает себе цену. И заодно надеется разжалобить его отца, владельца мануфактуры, чтобы тот не требовал с них немаленький штраф за просроченную поставку.

Проверить его историю все равно невозможно. Не придешь же в Староордосскую крепость с вопросом «Эй, друзья, а правда ли, что кто-то из вас взятку принял вчера у приказчика Хофлума?»

– Если только мы эти бумаги вам вообще подпишем, – сказал Лараф без особой симпатии. – Ну так из-за чего ж вы задержались-то?

– Приедем – сами увидите, – по голосу Хофлума было слышно, что он обижен Ларафовым «если только». – Что я вам в самом деле тут сказки рассказываю, а? Вы ж ни одному слову моему не верите!

– Отчего же – в целом верю. Но не забывайте, что вы нас подвели, а не мы вас. Продолжайте, мне в самом деле интересно.

Два раза Хофлума просить не надо было.

– Ну так мой подарок у него в руках словно бы растворился. Был – и нет его. Ладно, говорит, можете ехать. Но за ваши жизни мы не ручаемся. Тут уж я струхнул и спрашиваю: то есть как это – не ручаемся? Тут же ни волков нету, ни разбойников. А офицер только махнул рукой, бросил через плечо: «Я вас по-хорошему предупредил» – и ушел вместе со своим напарником в ту сторону, откуда мы приехали. Ну, жизнь одна, ее про запас не отложишь! И погнали мы сани дальше. А ветер все сильнее, выюга прямо в лоб бьет, кони упираются, сани вязнут... Уже смеркается, а мы только посередине ущелья. Это я теперь знаю, что посередине, когда к вам с рассветом побежал, а тогда думал – может, и трети проклятой кишки не одолели. На передних санях я был. И вижу вдруг, что впереди стоит кто-то. Большой, темный, роста в четыре человеческих. Его сквозь снег никак не разглядеть, а подъезжать ближе как-то не того. Остановили коней, да они и так вмертвую стали. Бросили на пальцах кому идти вперед смотреть. Выпало троим из охраны, по справедливости. Это ж их прямое дело – на такой случай вперед выходить. И они пошли...

– Ну и?! – Лараф был вспыльчивым и нетерпеливым молодым человеком. Как ни тщился он разыгрывать перед Хофлумом бывалого и опытного распорядителя, а мальчишеское любопытство брало верх.

– И вернулись назад. Ничего нет, говорят, только борозда в снегу. Весь покров прошла, до самой земли. И по левому скату ущелья вверх уходит. Нет никого впереди, короче. Стали понукать лошадей – те вроде как идут. Едем дальше. И трехсот сажений не проехали – новый морок. Вроде оружие бряцает по сторонам. Не видать ни зги, ветер воет – и позвякивание кругом это дурацкое. Коня, однако же, идут, не останавливаются. Только вздрагивают эдак, словно их оводы или другая гнусь на ужин пользует. Так еще сажений двести прошли. И тут вдруг камни забормотали и треск впереди пошел. Как будто камнепад. А мне ж говорили, что обвалов как раз можно не бояться, ущелье-то лесом поросло. А только рокошет что-то впереди и по сторонам – все ближе и ближе. Сани мои опять стали, достал я шестопер, кликнул охрану, и с нею сам вперед пошел. Два факела у нас было. И вижу я, что перед самым моим носом камни катятся. Поперек ущелья. Сами катятся, Шилолова погибель! И вроде как закатываются потом вверх по левому скату ущелья. Тут у меня сердце совсем в пятки ушло, чего греха таить. Надо было, думаю, во всем офицера слушать и ворочаться.

Тонкие губы Ларафа неожиданно разошлись в ухмылке:

– А-а, это катунцы. От катунцов вреда людям не бывает. Если, конечно, прямо под них не лезть – тогда задавят. Тот офи... человек вас с потрохами купил, почтенный Хофлум. Просто

вытянул из вас денежки, ясно? Знал ведь, что катунцы пойдут, вот и «предупредил», добрая душа. И пропустил, конечно, вперед – жалко ему, что ли?

Неожиданно заржал Перга:

– И точно, барин! Нашел чем подивить! А про чтой-то там такое в четыре человеческих роста – и вовсе брехня.

– Вам, может, и брехня, – пробурчал Хофлум. – Да только у меня двое людей ночью умерли и несколько лошадей пали. И на всех – полно малых красных точек, будто их слепни искутали. Только не кусают слепни насмерть, и нет зимой никаких слепней.

2

День прошел в хлопотах.

У Хофлума действительно были жертвы. Пока санный поезд стоял перед беспричинно и неспешно катящимися камнями, вокруг саней и лошадей успело наместить так, что двигаться они уже не могли.

У двоих возниц не выдержали нервы и они с воплями, по брюхо в снегу, побежали обратно в Сурки. Потом их нашли мертвыми, они не пробежали и пол-лиги.

Отец Ларафа скрепя сердце освободил всех рабочих мануфактуры и послал их откапывать санный поезд. В конце концов поставщикам, хоть они и сорвали сроки, надо было помочь. (Уж больно сладкая, по правде сказать, сложилась цена; Имерт окс Гашалла не хотел терять таких выгодных торговых партнеров.)

Оказалось, что за один день там не управиться. Поэтому тюки с самыми срочными материалами, без которых работа стояла, вывезли на двух мануфактурских волокушах.

Надо всем этим Лараф надзирал. То есть без особой надобности ковылял от одних саней к другим, мерз, отходил погреться у костра, покрикивал на рабочих, разговаривал с доходяжими конягами, присматривал за приготовлением обеда.

О дивных (и не очень) событиях, рассказанных Хофлумом, Лараф старался не думать. Не думал он о них и вечером, когда наконец вернулся домой.

Ларафу шел двадцать второй год. Он жил вместе с отцом, мачехой и двумя ее дочерьми. Старшую звали Анагела, младшую – Тенлиль. В нее-то и был влюблен Лараф, поскольку влюбляться в Казенном Посаде было больше не в кого.

Два брата Ларафа уже давно покинули это малоприятное место. Как положено уважающим себя дворянам, они служили Князю и Истине и получали за свою службу солидное жалованье.

Один брат был палубным исчислителем на флагманском корабле Южного флота и успешно применял продукцию отцовской мануфактуры по назначению. За взятие Багряного Порта он, как и все другие старшие офицеры – к слову сказать, ничего путного в ту кампанию не сделавшие, – получил в канун юбилея Сиятельной Княгини листья трилистника к «Звезде морей». Весьма почетный знак отличия, весьма.

Карьера другого славного отпрыска семейства Гашалла была поскромнее. Он уже восьмой год служил в тяжелой кавалерии, но по-прежнему ходил в нижних чинах. Однако последнее его письмо, достигшее Казенного Посада в конце осени, заканчивалось весьма интригующе: «У нас появились двое новеньких. Нет нужды объяснять, что означает появление в армии людей с клинками в ножнах из акульей кожи».

Нужды объяснять и впрямь не было. Речь, конечно же, шла об эмиссарах Свода. А когда в армейских частях появляются, не таясь, люди из Свода, значит, эти части вот-вот могут быть использованы в каком-то горячем деле. То есть в таком, которое представляет волнующую возможность отличиться.

Ларафа не очень-то радовали новые перспективы, открывшиеся его брату. Он, Лараф, получил лишний повод для зависти, и больше ничего.

Сам Лараф, когда ему было семнадцать лет и он уже вовсю грезил службой в «Голубом Лососе», имел неосторожность попасть под камень-катунец.

Разумеется, ни отцу в свое время, ни Хофлуму сегодня он в этом не признался. Как не признался и офицеру Свода, когда тот неожиданно пришел справиться о его здоровье и порасспросить о том о сем под видом инспекции мануфактуры.

Потому что тогда возник бы правомерный вопрос «как». Как весьма прыткий и неплохо сложенный юноша, находясь в здравом размышлении, смог попасть под медлительный камень?

Только мертвецки пьяный человек, заснувший где-то посреди дороги, мог стать жертвой редкого каменного потока.

Но о том, как случилось с ним это несчастье, Лараф всеми силами пытался забыть. Хватало и того, что случилось: нога была сломана, срослась неправильно и он охромел. Похоже, на всю жизнь.

– Лараф, ты снова ничего не ешь, – укоризненно покачала головой мачеха. – Целый день на морозе суетился, а аппетита так и не нагулял.

– Спасибо, я сыт... мама, – выдавил Лараф. – Мы с господином Хофлумом неплохо закусили за обедом.

Господин Хофлум не перечил. В доме семейства Гашалла кормили как на убой. Приказчик, изголодавшийся за две недели перехода через пол-Варана, старался не пропустить ни одного блюда.

Лараф сам не понимал, отчего он так холоден к еде. Обедал он под открытым небом на скорую руку, похлебал супа из сушеного гороха с солониной, отщипнул хлеба – и все. Аппетита не было.

– Ну ты бы хоть ножку индюшачью погрыз, я даже не знаю... А то придется все слугам отдать.

– Ну так и отдайте, – пожал плечами Лараф.

За ужином в доме Имерта окс Гашаллы говорили о двух вещах: о работе и о еде. Гораздо реже – о деньгах. Дворянам не пристало обсуждать такие неблагородные темы. О мужьях для Анагелы и Тенлиль за столом вообще никогда не говорили. Об этом Имерт и его новая жена перешептывались наедине.

Хофлум был не очень-то воспитанным человеком. Но льстецом-самородком был преизрядным.

– Индюшатины у вас в Казенном Посаде отменная. Отменнейшая! – сказал Хофлум, обращаясь к мачехе Ларафа.

– Эй, милая, подбавь-ка мне еще мясца и лисичек, – это уже в адрес служанки.

Лараф часто думал о том, что он сделал бы, если б от него все зависело. Например, если бы он был одним из тех, которых в крепости учат убивать врагов Князя и Истины.

Первым делом – и это понятно – он взял бы в жены Тенлиль (Лараф не принимал в расчет, что офицерам Свода браки запрещены). Вторым делом – и это тоже понятно – разыскал бы самого лучшего лекаря (то есть запрещенного мага, конечно же), и тот сделал бы так, что его нога срослась бы правильно и Лараф, наконец, перестал бы хромать. Ну а третьим делом...

Лараф не знал. Пожалуй, предложил бы Опоре Благодравия указ, запрещающий непременно обсуждать за едой еду. Ибо это несносно!!!

Лараф подошел к мачехе и поцеловал ей руку.

– Благодарю вас. Желаю всем приятных сновидений, – откланялся Лараф и вышел прочь. Тенлиль, как обычно, даже и не посмотрела в его сторону.

3

Единственными «привилегиями», которых Лараф добился на свое несчастливое совершеннолетие, была комната с отдельным выходом на улицу, своя собственная служанка, право запирается на ключ, когда ему заблагорассудится, и не отвечать на стук в дверь даже отцу.

Всеми этими привилегиями, как хорошо помнил Лараф, обладал его брат, пока не отбыл на службу в кавалерию. А потому и комната, и даже служанка как бы достались ему в наследство от брата.

Несмотря на то, что он был давно уже не мальчик и, по идее, никто (кроме офицеров Свода, Шилол их побери) не имел права копаться в его вещах, Лараф хранил все свои сокровища в потайном местечке, а не в сундуке и не в узкой платяной стойке.

Тайник тоже перешел к Ларафу по наследству. Теперешний грозный воин с трехсаженным бревноподобным копьем и сворой любовниц из числа смешливых трагических актрис Урталаргиса во время оно хранил в тайнике «магический» амулет в виде веера из семи цветных дощечек, статуэтку обнаженной барышни, якобы вырезанную из бивня Магдорнского Тритона, эротические вирши собственного сочинения и несколько старинных ассигнаций с профилем Занга окс Саггора.

Отправляясь служить, брат вирши сжег. Амулет и статуэтку он прихватил с собой, а местоположение тайника великодушно открыл Ларафу.

«Будешь в нем держать всякие вещички, – обтекаемо пояснил брат. – Ну, чтобы отец не цеплялся лишний раз. А это тебе, чтобы деньги водились». В ладони Ларафа оказалась ветхая ассигнация княжеского казначейства.

«Всякие вещички» у Ларафа завелись, но вряд ли старший брат догадался бы, какие именно.

Вот уже четыре года как в тайнике хранились две книги. Одна называлась «Путеводитель по наречию Харрены». Формально запрещена она не была, хотя раздобыть ее, да еще в Староордосском уезде, оказалось непросто.

Вторая книга звалась «Семь Стоп Ледовоокого». Она была написана по-харренски с частыми вкраплениями нераспознаваемой письменности, которые худо-бедно читались при помощи первой книги.

«Семь Стоп Ледовоокого» тоже не были формально запрещены, поскольку в Своде Равновесия не подозревали, что в мире сохранился хотя бы один экземпляр этой книги. Частное владение «Семью Стопами Ледовоокого» в любом государстве Сармонтазары было равнозначно смерти.

4

«Хорошая книга плохой не бывает», – было написано на первом шмуцтитуле.

Эту фразу Лараф перевел в самом начале, еще полтора года назад, и сразу же испытал к «Семи Стопам» глубокое доверие. Спорить с этой формулой значило отрицать очевидное.

«Семь Стоп Ледовоокого» была единственной настоящей подругой Ларафа. Служанке можно было время от времени задира́ть подол, но вряд ли их совместное потное времяпровождение можно было назвать «дружбой».

С Тенлиль никогда не выходило поговорить так, как хотелось Ларафу. Он конфузился, краснел, отчего-то начинал шепелявить. Дружить не получалось.

Анагела, пожалуй, временами могла быть приятной собеседницей, да вот только беседовать ей с Ларафом было скучновато. У нее был любовник, о существовании которого не подозревали ни мачеха, ни отец. С ним Анагеле было интересно. А со сводным братом – так себе.

Остальные обитатели Казенного Посада являлись подчиненными Ларафа и быть его друзьями не могли по сословному статусу. Кроме того, рабочие Казенного Посада обладали своей особой гордостью. Они знали секреты мастерства, а Ларафа должны были посвятить в них не раньше двадцати пяти лет.

Вот и выходило, что чужеземная книга была ему единственным другом. Из-за нее, правда, он стал калекой. Но ведь «За хорошего друга и жизни не жалко», как однажды сообщила Ларафу полусгнившая страница, на которой крылатая змея защищала своей грудью другую крылатую змею от панцирного кавалериста, покушающегося прободать гадину копием.

Лараф еще раз проверил, заперта ли дверь и плотно ли притворены ставни. Затем лег на кровать, взял книгу в руки и закрыл глаза.

Произнес про себя: «Хорошая книга плохой не бывает». Затем немوتствующий язык Ларафа сплел четыре слова на наречии ледовооких – так, как учили пояснительные харренские надписи. Затем руки Ларафа, вошедшие в «состояние непротивления очевидному», раскрыли книгу на произвольном месте.

В действительности эта «произвольность» принципиально отличалась от обычной случайности, которой повинуется, например, бросок игральных костей в отсутствие магии.

Но соответствующие пояснения Лараф, весьма ограниченный в своих познаниях харренского языка, просто не понял.

Лараф поглядел на разворот книги. Белый Раздел: все страницы здесь были снежно-белыми, за исключением источенных жучком или безнадежно испорченных какой-то не то сажей, не то гниlostной потравой. И снова, снова та же самая страница!

Он попадал на это место третий вечер подряд. Это было уже слишком. Раньше книга вела себя в полном соответствии с обещаниями, изложенными в начале. А именно сулила «не надоедать своему другу частыми повторами без нужды».

«Видать, все-таки нужда стряслась», – заставил себя улыбнуться Лараф.

Этот разворот содержал подробное описание действий, которые необходимо предпринять для исполнения заветных желаний.

При этом «другу» рекомендовалось ни о чем не заботиться, не опасаться каких-то «Воинов Шара» (харренск. дионагганон) или других «односторонне мыслящих представителей власти».

Книга советовала просто исполнить ритуал в полном согласии с каноном, «ведь и сама я проистекла некогда из подобного действия, друг». В своем случае Лараф полагал, что под «Воинами Шара» следует понимать кого-то вроде офицеров древнего, нездешнего Свода Равновесия. Он не ошибался.

Несмотря на эти ободряющие заверения и на то, что эта «Большая Работа» не требовала никаких сомнительных компонентов (например, ушей желтанского нетопыря или семени повешенного), Лараф вчера и позавчера не отважился совершить ритуал.

Во-первых, потому, что никогда ранее не попадал «очевидным поиском» на предписывающие места книги – только на теоретические и развлекательные.

Во-вторых, Лараф боялся близости Староордосской крепости. Он был уверен – и весьма небезосновательно – в том, что крупнейшее учебное заведение Свода располагает средствами, позволяющими отслеживать магические возмущения едва ли не по всему Староордосскому уезду.

Была еще проблема, совсем уж простецкого свойства: ворота поместья.

На воротах стояла стража. Правда, это были не офицеры Свода, а всего лишь отцовские холоуи. Но люди эти принадлежали именно его отцу, а не ему. Отцу они подчинялись беспрекословно, а вот хромоногого наследника не очень-то уважали.

Выйти за ворота было совершенно необходимо, поскольку книга настаивала на том, что ритуал должен вершиться на удалении в сорок четыре и семь двенадцатых сажени от ближайшего живого человека. В противном случае ничего не получится.

Итак, книга настаивала. А ради хорошего друга и жизни не жалко.

Лараф решился.

Он уже четыре года клялся, что рано или поздно позволит судьбе вознаградить себя за искалеченную ногу.

Он два года учил харренский язык и уже полтора года копил познания в чуждой магии.

Наконец, в этот год он особенно остро чувствовал, что начинает буквально сходить с ума от отупляющего однообразия жизни в Казенном Посаде, которое если чем-то и нарушается, так какой-нибудь жуткой историей. Вроде той, что стряслась с санным поездом Хофлума.

А вслед за принятием решения Лараф вдруг неожиданно для самого себя осознал, что к нему пришел простой и ясный план действий.

Глава 4

Землетрясение

*С ненастьем грозным Элиен смирился,
Решив судьбы, что он не мог избежать,
Спокойно ждать, предавшись размышленьям.
«Гедда об Элиене». Эриагот Геттианикт*

1

Итак, Есмару было разрешено остаться в каюте Эгина до Нового Ордоса.

Эгин соорудил своему неожиданному попутчику ложе на вещевом сундуке. Конечно, можно было занять соседнюю каюту, которая, как уже говорилось, пустовала. Но от этого варианта Есмар наотрез отказался.

– Там будет гораздо легче меня достать, чем здесь, – заявил он.

О том, кто и зачем станет его «доставать», Эгин предпочел не спрашивать. Наверное, речь шла о все тех же матросах.

А может быть, два дня в темной утробе трюма не прошли даром для хрупкого разума мальчика. Что же этот трусишка будет делать один в столичном городе? Без денег, без связей, с одним только желанием отправиться в Ит?

– Назад дороги нет. Отец с меня шкуру снимет, – признался Есмар.

Эгину было жаль ребенка, чье детство по всеобщему недосмотру облачилось в столь причудливые одежды. Но что он сам мог сделать для него?

– На первое время я устроюсь в Пиннарине в какую-нибудь лавку, учеником. Я умею считать. И писать. Накоплю денег и поеду в Ит.

– Как хочешь, – до поры до времени Эгин не хотел вводить мальчика в курс своих дел.

Эгин не смог припомнить, в который раз он пускается в путь по морю. Может быть, в двадцатый, а может, и в двадцать пятый.

Все морские путешествия были похожи одно на другое. Скука, качка, блохи. Соленая еда, тухлая вода.

И все морские бури были похожи одна на другую. И та буря, которая начиналась за бортом, пока Эгин и Есмар перекидывались репликами, уставившись в низкий потолок каюты, тоже была похожа на начало других бурь, в которые попадал Эгин раньше.

И на тысячи тысяч бурь, в которые Эгин никогда не попадал.

2

К полудню качка ощутимо усилилась.

С откидного столика на дощатый пол каюты шлепнулась и разбилась вдребезги тяжелая керамическая чашка, в которой Эгин приносил Есмару завтрак – гречневую крупу с подливкой из проваренной солонины.

Одежда, в которой Эгин рассчитывал щеголять в столице, шлепнулась на живот Есмару со своего гвоздя. Есмар уселся на сундуке и в тревоге воззрился на Эгина. Лицо его было необычайно бледным.

Он не хотел выставиться перед Эгином ни слабаком, ни трусом, поэтому делал вид, что не боится. Что там, в море, ничего такого не происходит. Просто ветер – и все.

С палубы слышались гортанные выкрики матросни, трехэтажные матерные конферансы капитана и трепыхание парусов.

Сочтя, что помочь матросам, борющимся со стихиями, они с Есмаром не смогут даже при огромном желании, Эгин решил, что лучшее в такой ситуации – это продолжать начатый разговор.

– ...А еще в Пиннарине есть такая штука, которая называется карусель. Слышал, небось, о карусели?

– Н-нет, – проблеял Есмар, обхватывая колени руками.

– Эта карусель как медом помазана пиннаринским школярам. Она приводится в движение двадцатью четырьмя мулами, которые ходят по кругу в специальном загоне. Этого загона не видно. Он расположен под землей. Зато наверху! Там, на карусели, деревянные фигуры всяких неведомых животных. Есть кабарга Апраэдири, волк Гинсанад, есть даже сергамена... э-э... Есмар! Ты меня не слушаешь?

Есмар, конечно же, не слушал. Не успел он ответить, как его вырвало прямо на пол той самой гречневой кашей, которую час назад принес ему на завтрак Эгин.

Эгин схватил Есмара за плечи, пытаясь понять, что происходит. То ли дело в качке, то ли Есмар подхватил в трюме какую-то гадкую болезнь. Уж не рыжий ли тиф, на который так богаты трюмы, и особенно трюмы с крысами? Если бы просто несварение желудка!

Но не успел Эгин высмотреть в черных, как переспевшие вишни глазах Есмара признаков болезни или ее отсутствия, как дверь каюты настежь распахнулась.

В помещение хлынули грохот волн и йодная свежесть морских брызг, смешанная с пресной свежестью ливня.

Следует заметить, что замков на дверях кают на «Гордости Тамаев» никогда не было. Их функции выполняли пеньковые веревки, которыми связывалась дверная ручка, и специальный штырь, вбитый в дверной косяк.

Замков, кстати, не было и в Вае.

Объяснялось это вовсе не тем, что в Вае не знали такого порока, как интерес к присвоению чужого добра. Но ленью вайских жителей и тем, что настоящие любители чужого добра с легкостью управлялись со всеми видами замков, известными в провинциальном Варане.

Пеньковая веревка лопнула от удара сапожища. Сапожище принадлежал человеку, в котором Эгин отнюдь не сразу узнал капитана. Лицо его было перекошено от умственного напряжения и залеплено длинной водорослью, одежда – мокра, а волосы – стянуты в неопрятный пучок на затылке.

– Вашу мать, гиазир Эгин! Говорил я: гнилое это дело. Думается, надо было до весны подождать! Думается, сгинем все, как есть.

– Пронесет. Мы же в виду берега!

– Толку с того берега? Думается, берег тоже раком стал, – махнул рукой капитан в сторону ливневой завесы.

Эгин почувствовал, что от капитана разит бражкой. Но сейчас это было, в сущности, не важно.

– Что значит «берег раком стал»?

– А то и значит. Думается, землетрус там.

– Вы хотите сказать, землетрясение?

– Без разницы как говорить. Думается, по-любому хреново.

– Буря?

– А то! Думается, еще немного подождем, и палубу задраим.

– Дело серьезное? – поинтересовался Эгин.

Но капитан, кажется, уже потерял интерес к этой ветви разговора. Он с интересом рассматривал лужу блевотины на полу каюты.

– Во... обрыгали судно... Да чем вы вообще тут, мать вашу, занимаетесь?

– Не ваше дело, капитан.

Но капитан как будто не слышал, а может, и вправду не расслышал ответа Эгина, который на этот раз решил не играть в учтивость. Взгляд капитана упал на бледного, как гипсовая маска, Есмара.

– А это чей выbleядок?

– Это Есмар, мой слуга, – ответил Эгин.

– А где этот вшивец раньше был?

– Здесь сидел. Он болеет.

– Ладно, меня это не колышет. Думается, в трюм линять надо. Шмотки свои собирайте – и вниз. Понятно?

– Понятно.

Капитан резко развернулся на каблуке и покинул каюту так же быстро, как в нее вошел. Водорослину он так и не почувствовал, а потому она осталась украшать его щетинистую физиономию.

Через открытую дверь хлестала вода. Есмар посмотрел на Эгина ошалевшими глазами. Он ожидал указаний и прочего мудрого руководства.

– Ты что, не слышал?

– Слышал, – дрожащим голосом ответил Есмар.

Визит капитана, как ни странно, привел его в себя. А может, чувство опасности на время отогнало морскую дурноту.

– Даю тебе две минуты. А то неровен час нас просто смоет в море. Будет тебе тогда и Новый Ордос, и Ит с Пиннарином.

3

Они просидели в трюме почти сутки. Сутки между опасностью и неизвестностью.

Буквально до последнего часа оставалось столько же надежд на благоприятный исход шторма, сколько и опасений по поводу исхода неблагоприятного.

Из-за землетрясения моряки упустили шанс пристать к берегу, когда буря только начиналась, а начиналась она стремительно.

Из-за пьянства – упустили возможность вовремя задраить палубу и положить мачту, которая на таких небольших судах крепилась шарнирно специально на случай бурь и прочих морских несчастий.

В результате двое матросов сгинули в пучине, одного зашибло упавшей реей, остальные набили себе изрядно синяков и ссадин.

Но Эгин и Есмар, проявив с подачи капитана неожиданную оперативность, счастливо достигли недр «Гордости Тамаев» вместе со своими вещами. Правда, на них не осталось сухого места, но в данной ситуации это было наименьшим из зол.

Настроение в темном и зловонном мешке трюма было карнавально-поминальным.

Матросы откупорили бочонок с гортело и, нализавшись до свинских кондиций, орали песни.

Всю ночь капитан мерился силой с лоцманом «на пальцовках», а одноногий повар травил байки про «Смерть-рыбу свирепую», демонстрируя, для убедительности, свою изувеченную ступню и руку с отрезанным за долги указательным пальцем.

– Пойду отложу личинку, – вдруг громко сообщил повар и направился в темный угол трюма справить большую нужду.

Эгин и Есмар, устроившись на подстилке из вонючего сена, играли «в города». Оживший Есмар выказал удивившую Эгина эрудированность.

– Ит.

– Таргон.

– Нелеот.

– Тардер.

– Рем Великолепный, – с плохо скрываемым торжеством назвал Есмар столицу Синего Алустрала.

– Нет никакого Рема, матьево, – буркнул возвратившийся повар, ловко насаживая зазевавшуюся крысу на нож с широким лезвием. – Все это выдумки книжников. И Алустрала никакого нету. Все враки.

Эгин с Есмаром переглянулись. Неужели им суждено встретить смерть в обществе таких непроходимых долбодятлов?

И все-таки какая это, в сущности, приятная штука – жизнь!

Когда буря успокоилась, а над морем Савват встало утро нового погожего дня, командой и пассажирами «Гордости Тамаев» овладел оптимизм без удержу и без края.

Счастливые и обессиленные Эгин с Есмаром вылезли на палубу, шурясь от слепящего солнца.

Матросы братались, в свойственной себе манере сдабривая хвалу Шилолу легким матерком.

Капитан пялился в морские дали, пытаясь определить местоположение судна. Они по-прежнему были в виду берега.

Вдруг выражение лица капитана резко изменилось.

Блаженная улыбка пропала, лоб пересекли борозды морщин. Он обернулся к своим людям и вполголоса сказал:

– Братва, лихо. Неужто это Новый Ордос?

4

Это действительно был Новый Ордос. Точнее, то, что от него осталось.

Когда «Гордость Тамаев» входила в гавань, никто не шутил, не смеялся и даже не сквернословил.

Зрелище к этому не располагало.

То, что издалека смотрелось как необитаемые окрестности Старого Ордоса, на деле оказалось Новым Ордосом, начисто разрушенным вчерашним землетрясением.

Это потом, когда придворные ученые мужи вдоволь начешутся в своих многомудрых бородах, они скажут, что такой страшной катастрофы Варан не знал со времен Инна окс Лагина, когда Пиннарин, называвшийся поэтами «белостенным», а его башни «целующими небо», за одну ночь превратился в курганы белого щебня и барханы белой пыли.

А пока экипажу «Гордости Тамаев» оставалось молчаливо взирать на руины некогда цветущего порта – третьего по красе и богатству города княжества Варан.

Берег был усеян островами разбитых кораблей, бочками, трупами животных, глубоководными водорослями, галькой.

Прямо на пристани лежали синерожие утопленники – первая партия была выброшена милостивым морем буквально только что.

На знаменитой Новоордосской набережной, где разворачивалось действие каждого второго варанского любовного романа, было серо от трупов. Даже с моря было слышно, как вопит одна молодая особа, прижимаясь лицом к изуродованному телу неизвестного мужчины.

От здания морского порта с огромной шестигранной башней, от величественных построек главной княжеской резиденции на море Савват, от здания местного Свода Равновесия, наконец, остались просто никчемные кучи мусора.

В этих кучах рылись редкие и такие маленькие с расстояния людишки.

Кто это – мародеры, падкие до нательного золотишка и кошельков? Или спасатели?

Или, может быть, отцы семейств, отыскивающие своих домашних? Вдовы, отыскивающие своих детей?

Что делает Внутренняя Служба? Куда смотрит Свод Равновесия? Кто теперь заправляет городскими делами? В чем заключаются «городские дела» в отсутствие «города»? Не повторятся ли подземные толчки снова? Как всегда бывает в таких случаях, вопросов было вдесятеро больше, чем ответов.

На западном холме виднелись публичные сады, превратившиеся в неопрятный и грустный бурелом.

Огромные лиственницы были вырваны с корнем и попадали наземь, фонтаны обрушились мраморными водопадами. Беседки и павильоны осели на своих переломанных ногах.

Кое-где на желтых дорожках сада горожане рубили на дрова пятисотлетние дубы, используя резные каменные фонари в качестве колод.

На кострах, тлевших поодаль, созревали освежеванные ручные косули, которых изловили и изжарили те, кому посчастливилось выжить во вчерашней катастрофе.

Две краснолицые бабы деловито ощипывали тушку белого павлина. Голова птицы была размозжена. Павлин нашел свою смерть среди смятой золоченой клетки.

– Вот мы и на месте, – заключил капитан, кося на Эгина и его маленького попутчика.

– Наверное, нам не следует заходить в порт, – предположил Эгин.

– Это ты верно подметил, гиазир. Значит, высадитесь ночью возле Квасцов. Поплывете на шлюпке. Десятой дорогой обойдете Ордос и сразу на Пиннаринский тракт. А там – как договорились.

– Это неглупо, – подтвердил Эгин.

– Как думаешь, за неделю мои люди обернутся?
– Если по дороге их не съедят ополоумевшие жертвы этого проклятого землетруса.
– Но смотри, гиазир хороший, если мои люди вернутся без денег, я твоему другу Вице голову в задницу засуну.

– О чем речь, капитан. О чем речь...

В этот момент Эгин думал только об одном. О том, что если Пиннарин сейчас представляет собой такое же историческое зрелище, что и Новый Ордос, то не видать ему ни Альсима, ни Свода, ни гнорра Свода, Лагхи Коалары. А капитану «Гордости Тамаев» не видать его денег и его подарков. Самое смешное, винить в этом будет некого.

Глава 5

Распря

*– В добром ли здравии ваши сергамена? – спросил Радзамтал.
Аваллис Лекарь*

1

Без малого шесть десятков спешенных лучников барона Шоши впервые в своей жизни стояли на каменной площадке перед чашей, полностью готовые к бою. Как и наставлял их барон, повсюду горели костры.

Жмущийся к земле огонь разбрасывал по склонам горы длинные изломанные тени. Приблизиться к вершине горы незамеченным было невозможно.

Лучники во всем следовали указаниям барона. На шее каждого болталась на свитом из волос нутрии шнурке низка заговоренных стеклянных шариков. Шапки из волчьих оголовьев с торчащими ушами и оскаленными клыками были надеты лучниками поверх стальных касок.

Наконечники стрел и клинки были смазаны эликсиром, состава которого лучники не ведали. Если бы не горели костры, если бы царила крошечная тьма, лучников ожидало бы немалое удивление: сталь наконечников полнилась едва приметным, ровным светом.

Вместе с лучниками был и барон Шоша. Была здесь и Зверда. Ее появление настолько приободрило дружинников барона, что они забыли поинтересоваться: откуда здесь взялась госпожа? Зверда была безоружна, но привычная рассеянная полуулыбка по-прежнему блуждала по ее губам.

Солдаты стояли к ним спиной и не могли видеть, как барон и баронесса то и дело прикладывались к воде в каменной чаше и пили долгими, жадными глотками. Бароны Маш-Магарт называли ее «земляным молоком», но никто из лучников об этом не догадывался.

У каждого солдата – свой приказ. По северному склону горы прямо на мятущийся огонь костров подымались другие солдаты другого хозяина. Это были пластуны Вэль-Виры.

Обе стороны выпустили стрелы почти одновременно. Без предупреждения и без команды. У каждого был свой приказ.

Перестрелка продолжалась долго.

Пластунов было больше, они могли прятаться за пышными юбками елей и перебегать вверх по склону от дерева к дереву. Лучники Шоши, повинаясь приказу барона, поначалу стояли на месте, закрывая каменную чашу с незамерзающей водой от пока еще невидимого гостя. Однако когда было выбито больше десятка его людей, барон, взревев «Проклятие!», разрешил лучникам рассредоточиться.

Края плоской площадки, располагавшейся перед чашей, были окружены молодой, но буйной порослью заснеженного терновника. В ней Зверда и Шоша, оказавшиеся без прикрытия своих лучников, растворились с такой легкостью, словно бы их и не было никогда.

Между елями прокатился приглушенный утробный рокот, перешедший в жалобное ворчание, нечленораздельные сетования и вдруг разрешившийся в разрывающем душу вое.

Поверхность воды в чаше на мгновение полыхнула кораллово-алыми сполохами, словно бы пронеслась по ней стайка огненных водомеров.

Этому вою ответил нестройный боевой клич пластунов. Забросив арбалеты за спину, они обнажили мечи и стремглав бросились на жидкую россыпь лучников Шоши.

Щелк! – и обливаясь кровью падает наземь безусый парень, самый младший боец из отряда Вэль-Виры.

Щелк-щелк! – и, обреченно шипя от боли, отползает под защиту деревьев полусотник пластунов, бывалый стрелок и рубака Гилой, в чью коленную чашечку разом впились две стрелы.

Один из пластунов был ранен, когда пробежал мимо костра и упал прямо в огонь. Он перекатился по горящим дровам, набрав полные сапоги углей, и заорал так, что живые предположили оказаться на месте мертвых. Его милосердные стрелки Шоши поспешили добить первым.

Когда пластуны были уже совсем близко, дружинники Шоши обрушили поперек склона несколько подрубленных заранее елей.

Трех пластунов задавило, еще трое самых проворных, опередивших падающие ели, были застрелены лучниками. Остальные оказались временно отсечены от площадки.

Начальник над стрелками Шоши осторожно поднялся с колена и встал в полный рост, держа заряженный лук наготове.

Он понимал, что это лишь передышка, что через минуту пластуны прорвутся через пышные ветви упавших елей и начнется рукопашная. Тогда лук можно будет спокойно отбросить прочь и взяться за меч. Но он хотел успеть всадить в кого-нибудь еще одну стрелу напоследок, а уж затем браться за белое оружие.

И вновь сергамена появился совершенно бесшумно. Мгновение назад перед взором стрелков Шоши был только истоптанный снег, трупы да затухающие колебания пышных еловых опахал. Как вдруг к картине прибавился текучий серый силуэт, возникший откуда-то сверху. Он на мгновение замер, неуверенно качнулся влево-вправо и...

Начальник над стрелками не успел ни испугаться, ни удивиться. Он просто спустил тетиву. Сдобренная эликсиром стрела пробила чудесную шерсть сергамены и вошла ему в бок. Впрочем, совсем неглубоко: на пути стрелы оказалось широкое, массивное ребро зверя.

Шоша мгновенно покинул укрытие в терновых зарослях.

Он извлек из длинного сандалового футляра, который висел у него за спиной и был похож на круглые ножны, змееживой бич. Прожужжала, раскручиваясь над головой барона, многозвенчатая цепь.

Сергамена коротко, яростно рыкнул. Тетива лука, только что пославшая ему в бок стрелу, лопнула.

Зверь прыгнул, не страшась змееживого бича Шоши.

Неестественно длинная, двухсаженная цепь с шипастым шариком на конце впилась точно в лоб сергамене.

Но даже этот удар, умноженный колдовской мощью и способный уложить наповал быка, не смог пробить черепную кость твари.

Сергамена повалил барона наземь, одновременно перерезав ударом когтистой лапы ремень шлема. От его рева у Шоши едва не лопнули барабанные перепонки.

Лучники – числом около тридцати – к чести своей сориентировались молниеносно, как и наставлял их барон. Почти все стрелы попали в цель. Бока и зад сергамены оцетинились подрагивающими деревками с белым оперением.

Обычные стрелы едва ли смогли бы пробить шерсть, подшерсток и шкуру сергамены. Но даже и тогда они не причинили бы зверю ощутимого вреда. Обычные – но не эти. На снег хлынула густая кровь твари – цвета белой плесени. В воздухе разлился тяжелый, терпкий запах.

И все равно удары лап сергамены, сыпавшиеся на шлем, могли сорвать забрало, сломать барону шею, вышибить мозги.

Следующий залп лучников вышел не таким слаженным – через поваленные ели наконец-то прорвались пластуны барона Вэль-Виры. Завязалась рукопашная.

В сергамене торчало около полусотни стрел. Удары его медленно слабели, но у шлема уже было готово отскочить забрало.

Барона спасло то, что его пальцы так и не отпустили рукояти змееживого бича. Недоброе оружие с тихим позвякиванием подобралось, приподнялось над землей – в точности кобра, готовая к броску, – и захлестнулось вокруг шеи сергамены, затягивая смертельную, прорезающую насквозь даже двухслойные кожаные доспехи удавку.

Теперь пришел черед Зверды.

Она была почти безоружна, почти. Но каждый ее палец оканчивался длинной ножевидной насадкой. Она возникла из зарослей терновника, когда Шоша разорался не на шутку. В гневных воплях барона теперь слышались нотки страха.

Прогнув спину как акробатка, Зверда легкими шагами подбежала к сергамене, полоснула обратившегося к ней зверя по морде своей правой стальной лапой, а левую с размаху вонзила сергамене в холку.

Оттолкнувшись от земли, Зверда перебросила левую ногу в обтягивающей кожаной штанине через спину зверя и оседлала его.

Еще одно усилие змееживого бича, еще несколько частых, вскрывающих горло твари ударов Зверды – и сергамена наконец завалился набок.

– Чего вы ждали, баронесса?! – прохрипел Шоша, отползая из-под навалившейся на него туши сергамены. – Он же мог меня убить!

– У меня пряжки «рысьих лап» на морозе паршиво застегивались, – не изменившись в лице, ответила Зверда.

Она лгала, однако Шоша не почувствовал этого. Сама Зверда, пожалуй, не смогла бы толком объяснить свое промедление. Что-то задержало ее на время, которого при других условиях хватило бы существу в обличье сергамены для того, чтобы оторвать голову ее мужу.

Как знать? Возможно, Зверда и не возражала бы против подобного исхода.

Так или иначе, дело было сделано. Их главный недруг остывал в неряшливой луже грязно-белой крови, посреди грязно-белого снега. Увидев это, пластуны Вэль-Виры, как по команде, бросились бежать.

Это «как по команде» в другое время смутило бы подозрительного барона. Но он был так упоен победой, так жаждал поскорее прибрать к рукам обширное наследство Вэль-Виры, что воспринял бегство пластунов как должное.

– Перебейте их всех! – крикнул Шоша своим дружинникам. – А потом возвращайтесь к лошадям! Встретимся внизу!

Тем два раза повторять было вовсе не нужно. Действительно, если враг бежит, его нужно настичь и истребить поголовно.

Вскоре площадка опустела. Только лежали вокруг трупы стрелков из Маш-Магарта и пластунов из Гинсавера. И те, и другие были отменными солдатами, остановившими имперскую армию близ Урочища Серых Дроздов. А теперь их не стало.

– Ну вот и все, – улыбнулась Зверда.

– Да, все. – Барон подошел к каменной чаше и отпил еще глоток горькой, совершенно невкусной и бесполезной для простого смертного воды. – Теперь осталось подать знак Лиду. Ждать больше нечего, пусть топчет обезглавленную дружину. А мы сейчас спустимся и поможем.

– Барон, у вас отвратительная привычка держать меня в стороне от ваших планов. Что за знак? Я первый раз о нем слышу. И почему мы должны помогать вашему наемнику делать его работу?

– Потому что я жрать хочу, – угрюмо огрызнулся Шоша. – И солдат своих привык беречь, женщина. Мы должны ударить в тыл гинсаверской дружине и облегчить Лиду прорыв через засеку.

– Жрать? – Зверда насмешливо заломила бровь. – Так за чем же дело стало?

Зверда красноречиво обвела взором трупы посреди догорающих костров. Ее буквально трясло от злости, когда Шоша называл ее «женщиной». Поэтому хоть она и знала о том, что Шоша побрезгует жилистой плотью «нечистых пластунов», но не могла удержаться от колкости.

– Зверда, у нас нет времени на шутки. Знаком Лиду должен послужить крик магдорнской черепахи. Вы понимаете, что это значит?

– Понимаю. Мне всегда было интересно, что думает Лид по поводу воплей магдорнской черепахи, которыми полнятся наши леса. Что вы ему лжете по этому поводу?

– Что у нас есть специальные сигнальные раковины для этого. Но что по нашим дедовским заветам их нельзя показывать чужеземцам.

– Остроумно. Мне б такое в голову не пришло.

Последнее Зверда произнесла столь двусмысленным тоном, что барону оставалось только цинично осведомиться:

– А зачем вам что-то в голове, баронесса?

Зверда открыла было рот, чтобы ответить новой колкостью на мужнино хамство, но барон уже отвернулся, отошел к краю площадки и заорал на пол-леса:

– Аллерт, я знаю, вы где-то есть и меня слышите! Не сочтите за труд, подгоните наших лошадей, ваше баронское достоинство!

Зверда тем временем уже раздевалась. О чем еще говорить с этим мужланом? Если он вбил себе в голову ночную потеху среди дружинников Вэль-Виры, значит, так и быть.

Как знать, может, Шоша и прав. Зверда понимала: думать сейчас о том, что они учинили, совершенно бесполезно. Сожалеть – тем более.

Наверное, все, что они сделали, действительно хорошо и полезно. Наверное, они действительно войдут в историю Фальма как несравненные воители, истребители нечисти и оборотней. И действительно, пожалуй, не стоило ей надеяться на ночи с Вэль-Вирой. Наверняка результаты оказались бы бесконечно далеки от ее тайных грез.

Зверда сняла с себя приталенную меховую куртку, темно-коричневый колет, белоснежную кружевную рубашку, сбросила мягкие сапожки, стянула узкие кожаные штаны и набедренный кушак.

Теперь она была полностью обнажена. Как и подобает гэвенгу перед началом правильной трансформации.

Зверда почти не мерзла. Много, очень много воды Вермаута выпили они сегодня. И то подумать – теперь их доля в Источнике значительно увеличилась. Потому что в этой доле не участвует больше Вэль-Вира.

Зверда старательно упаковала свою одежду, перетянула ее ремнем и вывела ременную петлю наружу. Так Вербелине, ее ученой лошади, будет удобнее подобрать пожитки хозяйки.

– А вы красивая баба, все-таки, – причмокнул губами Шоша, изучая высокое и стройное тело жены от ключиц до лодыжек.

– Не смотрите. Я не люблю превращаться, когда вы пялитесь.

Зверда к своей полной неожиданности запунцовела до корней волос. Ей вдруг пришло в голову, что последний комплимент от мужчины она получала едва ли не год назад. Да и тот от церемонного Лиды.

Шоша, однако, уже позабыл о том, что снимает с себя нагрудник и все остальное для того, чтобы приступить к правильной трансформации.

На его мощных плечах еще болталась рубаха, а барон уже подскочил к Зверде и заключил ее в свои звериные объятия. Шоше вдруг стало невтерпёж.

– Экий вы мужлан. Подите прочь... Нас ждут солдаты... – притворно отпихивалась от барона Зверда. Не очень сильно, а ровно в меру.

Барон как раз развернул Зверду к себе спиной, а та пристроилась возле чаши, уперев тонкие, мраморно-белые руки в ее каменный борт, когда на краю площадки прошелестел неимоверно деликатный и вместе с тем насмешливый голос:

– Супружеской чете Маш-Магарт желает здравия барон Аллерт велиа Семельвенк. Лошади поданы.

Зверда и Шоша разом вздрогнули и обратили замутившиеся взоры в сторону источника звука.

Это были их лошади, очень непростые животные – единственные из копытных, что умели взобраться на вершину Вермаута и не переломать себе при этом все кости.

Плотно вцепившись когтистыми лапками в загрибок, на лошади Шоши в совершенно не звериной позе сидел хорек. Это и был Аллерт велиа Семельвенк.

– Благодарю вас, барон, – как ни в чем не бывало улыбнулась Зверда. Самообладание у баронессы было преизрядным. Хотя и ей оно порою изменяло. – Вы очень любезны, барон. А теперь будьте любезны убраться прочь, бар-рон!

– Как вам будет угодно, баронесса. Мое почтение, барон. Мое почтение, баронесса. Желаю приятно провести время.

Голосок хихикнул, а его обладатель юркнул куда-то под ноги лошадям и растворился во тьме.

– С побе-едой! – донеслось уже откуда-то издалека.

– Отстань. – Зверда повелительно оттолкнула своего мужа и нервно прошла по поляне. – Сыть Хуммерова, Аллерт теряет последние крупницы совести. А с ними, похоже, и последние остатки искусства. Так пойдет дальше – он и в заячий член не обернется. Мельчает племя...

– Он же полукровка, не забывай.

Барон проводил удаляющиеся стати жены тоскующим взглядом, вздохнул и наконец стянул рубаху. Затем Шоша направился к ближайшему из догорающих костров.

На правильное нисхождение человек-зверь требовалось около десяти коротких колоколов. За это время он успеет, пожалуй, замерзнуть.

Лошади испуганно заржали. Это их-то лошади, приученные ко всякому!

– Вербелина, как это понимать?! – прикрикнула Зверда на свою.

По каменному карнизу, нависающему над чашей, метнулась быстрая зарница. Это снова взбунтовалась вода Вермаута.

Шоша бросил быстрый взгляд на тело сергамены. Неподвижное. Не столь уж и большое. Безопасное. Бездыханное. В чем же дело?

Хрустнули ветви ближайшей из поваленных елей. Среди них в полном боевом великолепии стоял сергамена.

Этот был покрупнее убитого предшественника. Из его пасти торчали два саблевидных клыка. Будь такие и у первого сергамены, он разорвал бы Шошу на куски вместе с панцирем.

Быстрее, чем Шоша успел метнуться к своему змееживому бичу, сергамена мягко опустился на все четыре лапы прямо поверх сандалового футляра.

Итак, живых существ на поляне было трое. Мужчина и женщина – абсолютно голые и совершенно беззащитные, и сергамена, облаченный в свое полное боевое снаряжение: когти, клыки, серый мех и сверхпрочную шкуру. Лошади пустились наутек.

Лошадь Зверды впервые в жизни оступилась и сломала себе ногу.

– Твари... Бессмысленные и злобные твари... Гамэри-кан арупптах... – прохрипел сергамена.

Сергамена говорил с видимым усилием, куда хуже Аллерта-хорька. «Это нормально, – пронеслось в голове у Зверды. – Если это и в самом деле он, то просто удивительно, что он еще хоть что-то сообщает».

Сергамена вновь прыгнул. Зверда завизжала. Она была уверена, что сейчас барона Шоши не станет, а вслед за тем не станет и ее.

Однако сергамена оказался близ чаши и сразу же припал к ней: частые-частые биения языка, глухое ворчание, подрагивающий от наслаждения хвост.

Зверда тщательно вымеряла на глаз расстояние до бича Шоши, а от бича – до сергамены. Если сильно повезет, можно спеленать его ударом бича, а потом постараться вдуть в ухо нужные заклинания... Но она так и не решилась. Риск был неоправданно велик.

Сергамена подошел к похолодевшей Зверде и посмотрел на нее в упор.

– Теперь ты, наверное, лучше понимаешь, что ощущала Радна в ту ночь. Смотри, Зверда, одно мое движение – и ты уже никогда не станешь человеком. А потом еще несколько дней – и тебя затравят, как бешеную и опасную суку. Каковой ты, впрочем, и так являешься.

После воды Вермаута речь сергамены стала куда более связной.

– А ты, Шоша, на кого стал похож ты? Когда последний раз ты входил в медведя? Может, припомнишь? Страховидная тварь, которая стала твоим уделом, и в зеркало-то посмотреться без содрогания не может. Вантэн-гайам!

Сергамена прошелся взад-вперед, бросая на своих пленников недобрые взгляды. Зверда понимала, что Вэль-Вира все никак не может принять окончательное решение по поводу их участи. Казнить? Миловать? Что делать? Надо было чем-то отвлечь Вэль-Виру от его мрачных мыслей.

– Я до сего дня была уверена, что сергамен больше не существует, что это только ваше обличье... – сказала она, стараясь выглядеть задумчивой. Задумчивость давалась ей с трудом.

– Сергамен куда больше, чем вы думаете. И я бы не рекомендовал вам любопытствовать, откуда появился тот бедняга, которого изрешетили ваши люди.

Вэль-Вира лег на снег, вытянул лапы, положил на них морду и замолчал.

Зверда и Шоша переглянулись. Оба уже не на шутку замерзли. Самым неприятным в их положении было то, что в своих звериных обличьях да еще вдвоем они имели шансы одолеть Вэль-Виру. Но в процессе правильной трансформации они были еще более беспомощны, чем сейчас. Вэль-Вира мог запросто прикончить их – уязвимых, тонкокостных, слизистых и горячих.

А на неправильную трансформацию на глазах гэвенга они и подавно не могли решиться. Потому что это был бы уже нешуточный, самый настоящий вантэн-гайам. То, что хуже самоубийства.

– Барон, мы бы хотели услышать ваши условия, – скрепя сердце сказал наконец Шоша.

– По логике вещей, я должен был бы вас убить, – сказал Вэль-Вира. – Потому что те, кто проявил такое вероломство, никогда не будут надежными союзниками. Но убить вас означает развязать войну за Маш-Магарт, иначе Маш-Магарт развяжет ее сам. Это большие потери, без них не обойтись. Тогда весной здесь вновь появится имперская армия. Отразить ее будет нечем. Кретины, вы хоть понимаете, что, убей вы меня, вы оказались бы перед лицом тех же точно обстоятельств?! Вы растеряли бы в штурме Гинсавера две трети своих людей! Чем бы вы встретили по весне харренитов? Витийствами Аллерта?

– Барон, мы предлагаем вам вечный мир на любых условиях, – выдавил из себя Шоша. – Вы совершенно правы. Боязнь вашей мести за Радну помутила наш разум.

– Одевайтесь и пойдем отсюда. И впрямь холодно, – буркнул Вэль-Вира, подымаясь.

2

– Мы мерзнем тут, сыть хуммерова, – процедил один «бегун» другому, перетоптываясь у костра, – а барон наш небось уже какую-то девку по хуторским сеновалам валяет.

– Ты за барона по девкам не разваливайся, – урезонил его второй. – Меня он из петли вынул, когда Вэль-Вировы урядники меня решать вздумали под Белой Омелой. Барон наш сейчас на нечисть идет, гамэри-кан аруптах.

Уже давно стемнело, а условного сигнала все не было.

Восемьдесят саней обоза были составлены в круг между придорожным камнем и опушкой леса, уходящим к подножию горы Вермаут. Внутри этого круга были загнаны кони, здесь же расположились Лид и пять сотен солдат.

Еще три сотни были выставлены вне круга и ориентированы на Семельвенк, Маш-Магарт и Гинсавер. Лид приказал солдатам этих сотен держать боевой порядок, но разрешил сесть на щиты.

Хуже всех пришлось тяжелым пехотинцам, отягощенным холодеющими латами. Этим Лид скрепя сердце разрешил усесться на нарубленный еловый лапник.

Это было против армейских традиций, но Лид успокоил себя тем, что их времяпровождение трудно назвать войной. Скорее уж все они участвуют в малоосмысленной охотничьей экспедиции. Если только не в очередном розыгрыше барона Шоши.

Обозные лошади, которых они взяли с собой, были все сплошь солощиками, специально отобранными по этому признаку.

Солощиками лошадьми назывались на Севере такие, которые будут есть что угодно, лишь бы было соленым.

И не только соленым. Солошие лошади доедали за солдатами похлебку из котлов, могли сожрать внутренности рогатой скотины, наполненные неперевавленными остатками сена, ели политые соленой водой лишайники, ну а уж сдобренная соленой водою трава, выкопанная из-под снега, приводила этих неприхотливых существ в подлинный восторг.

Само собой, боевые кони – такие, какими пользовались бароны, – солощиками почти никогда не бывали, всякая низкосортная дрянь была не по их аристократическому нутру.

Для боевых коней в обозе имелись запасы овса, которые, впрочем, через пять дней должны были подойти к концу. Но, как уверял Шоша, уже через три дня они накормят своих боевых лошадей либо в конюшнях барона Вэль-Виры, либо уже у себя дома, в Маш-Магарте.

Лид изо всех сил старался не подавать виду, что потрясен до глубины души. Сегодня он был похищен сергаменой – и остался жив!

Солнце садилось, когда он вернулся к дружине. Солдаты уже не чаяли увидеть военного советника не то что живым, а и вообще в цельном человеческом обличье, с руками, ногами и головой.

Ничего связного Лид рассказывать не хотел, да толком и не смог бы, хоть его и просили, уважительно оглядывая возвращенца из страны смерти и протягивая ему фляги с гортело. Лид отделался общими формулами вроде «А потом меня поглотила пучина беспамятства» и «В целом это не так страшно, как может показаться».

По верхушкам елей горы Вермаут, с которой Лид не сводил глаз, то и дело пробегали сполохи далеких костров. Чуть позже раздался рык зверя. Но это была не условленная магдорнская черепаха.

Рычал сергамена – теперь Лид знал это.

Глава 6

Что осталось от Пиннарина

*Отличается исполнительностью и настойчивостью,
границащими с фанатизмом.*

*Из личного листа эрм-саванна Эгина
Архив Свода Равновесия*

1

О Пиннарин, колыбель Пенных Гребней Счастливой Волны!

Едва ли половине построек варанской столицы посчастливилось уцелеть. Но до Нового Ордоса по размаху разрушений Пиннарину было далеко.

К тому же когда Эгин, Есмар и пятеро матросов, которым выпал жребий провожать Эгина в Пиннарин с целью получения гонорара, вошли в город через полуразваленные Южные ворота, самые ужасные картины катастрофы успели смениться менее ужасными.

Как обычно, больше всего досталось городской бедноте.

Кварталы Коричневого Кольца, некогда застроенные наспех двухэтажными домами из плохо обожженных кирпичей, рухнули при первых же толчках, погребая под собой многодетные семьи ремесленников, мелких торговцев, попрошайек, матросов.

Чертог Усопших тоже не выдержал натиска стихии. Поэтому трупы складывали штабелями на улицах.

Было холодно. И все равно в столичном воздухе витал тепловатый и сладкий душок тления.

Красное и Желтое Кольцо пострадали меньше, хотя и там многим зданиям пришлось худо.

Во дворце Сиятельной рухнули два флигеля и провалились крыши многих других строений.

«Сиятельная, наверное, сейчас занята непростым вопросом: стоит ли четвертовать придворного архитектора из-за того, что обвалились два флигеля, или следует отменно наградить его за то, что обвалились всего два из восемнадцати?» – подумал Эгин.

Зато громада Свода Равновесия по-прежнему возвышалась над городом, кутаясь в кисею серого тумана.

Только гигантская двуострая секира на вершине Свода не устояла на своем месте и знаменитый голубой купол, под которым находился кабинет гнорра, потерял большую часть своего зловещего великолепия.

Впрочем, Эгин, который готовился к худшему, отсутствием секиры не впечатлился. Его волновали другие вопросы: где искать Альсима и жива ли Овель?

– Интересно, работают ли лавки? – поинтересовался Есмар, который после Нового Ордоса потерял способность дивиться картинам катастрофы, зато не забыл о своих планах быстрого обогащения.

Эгин не нашелся, что ответить. С таким же успехом Есмар мог спросить: «А где здесь можно найти померанцевые пластыри от мозолей?»

2

«Шилол бы тебя подрал, Альсим, вместе с твоими письмами», – в сердцах повторял Эгин, двигаясь по Желтому Кольцу. Он без устали корил себя за то, что ввязался в это дело.

Жилья на Желтом Кольце не нашлось.

«Значит, пойдем на Красное», – вздохнул Эгин. Он помнил, сколько стоит жилье с видом на дворец Сиятельной. Но ночевать на улице не хотелось.

Наконец Эгин решился и пристроил Есмара с пятерыми матросами в гостинице с многообещающим названием «Обитель блаженства».

Стены «Обители» пошли трещинами, штукатурка обвалилась, оконные стекла высыпались на мостовую. Воздушное отопление не работало. Но в целом гостиница производила впечатление сравнительно сносного жилья.

Судя по всему, так полагал не только Эгин. В дверях гостиницы он нос к носу столкнулся с двумя экзотически одетыми аристократами – не то северянами, не то, наоборот, настоящими магдорнскими южанами, которые, памятуя о предстоящем путешествии в «северный» Варан, вырядились с расчетом на местную дождливо-слякотную зиму.

Странная это была пара, и даже нелюбопытный Эгин остановился, чтобы полюбоваться ею.

Среднего роста мужчина, в ярко-алом кафтане с золотым шитьем. Мужчина гордо нес свой живот, похлопывая по руке чем-то, напоминающим сложенный змееживой бич. Его спутницей была высокая женщина, чьи глаза лучились уверенностью и природной силой.

Женщина скользнула по Эгину невидящим взглядом – чувствовалось, что не замечать глазающих на нее мужчин вошло у нее в привычку.

Вопреки своему величественному виду пара темпераментно переругивалась, да так негалантно и громко, что было слышно на всю улицу.

Переругивались они в столь высоком темпе, что Эгин разобрал одно-единственное слово, которое на харренском значило «полудурок, не понимающий на каком свете он находится». Кажется, так женщина называла мужчину.

«Значит, скорее всего северяне», – заключил Эгин.

– Здесь заведение высокого класса, – холодно начал приказчик, пытаясь на глаз определить, водятся ли у Эгина деньги. – У нас останавливаются даже иностранные бароны.

– Неужели? – с сомнением осведомился Эгин.

Не то чтобы заведение казалось ему недостойным. Но бароны... Нет, бароны-северяне останавливаются в дипломатической гостинице – это Эгин знал совершенно точно. Как и то, что в дипломатической гостинице все, включая поварят, являются друзьями (читай: стукачами) Свода.

– Клянусь здоровьем жены. Настоящие бароны! Вон они, кстати, только что из дверей вышли... Видели?

– Ну... если это были те самые бароны... – улыбнулся Эгин.

«Можно подумать, здесь могли быть еще какие-то другие!»

После созерцания загадочных северян и хвастовства приказчика Эгин совсем не удивился, когда за крохотную каморку с него было спрошено как за восьмикомнатные апартаменты с вызолоченными ночными горшками. Все-таки иностранные бароны обязывают!

Эгин скрепя сердце согласился. Уж очень не хотелось ночевать на улице.

Матросы ни за что не соглашались отпускать Эгина на поиски «богатого столичного гиазира» в одиночестве.

Пришлось оставить им в качестве залога свой меч вместе с ножнами из акульей кожи.

Ни один благородный гиазир не продаст, не заложит и не бросит свой клинок. Это матросы знали так же хорошо, как то, что Вараном правит Сиятельная Княгиня, а не, допустим, конь в камзоле.

Эгину не нравилась эта идея. Но идти к Альсиму в таком блестящем обществе ему не нравилось еще больше.

«Что ж, придется гулять по разоренному Пиннарину без оружия», – вздохнул Эгин, ловя на себе совершенно сумасшедшие взгляды совершенно сумасшедших людей, слоняющихся по Красному и Желтому Кольцу.

Кое-кто громко звал своих пропавших без вести близких, кто-то попрошайничал или пытался обменять личные вещи на еду.

Благородные гиазир и низкородные бродяги смешались в одно безумное уличное варево, которое мутными потоками растекалось по улицам полуразрушенного города.

Эгин помнил, где следует искать Альсима. Как и положено пар-арценцу, Альсим имел должность-прикрытие и, разумеется, свой дом на Красном Кольце, свой выезд и своих слуг.

Эгин прекрасно помнил, что человек, которого он и его бывшие коллеги по Своду Равновесия знают как балагура и умеренного похабника по имени Альсим, известен жителям столицы как Четвертый Носитель Малой Печати Дома Недр и Угодий Ера окс Ланай.

А его особняк называется «Дом Герольдмейстеров» – это Эгин тоже помнил.

Чтобы попасть к Дому Герольдмейстеров, пришлось заложить изрядный крюк, ибо по странной прихоти природы один квартал Красного Кольца все-таки обвалился полностью.

Впечатляющие воображение завалы высились там, где некогда располагались театр, самая известная в столице лавка кружев «Респект» и дом главы Иноземного Дома. Сюда Эгин, живя некогда под фальшивой личиной чиновника все того же Иноземного Дома Атена окс Гонаута, был зван на молочного поросенка с розмарином. Кажется, глава Иноземного Дома присмотрел тогда молодого Эгина-«Атена» в кавалеры своей младшей дочери.

«А может, и не присмотрел...» – подумал Эгин, осознавая, что с тех времен для него успела пройти вечность. Или две.

3

Когда Эгин увидел, что Дом Герольдмейстеров в целом устоял, у него отлегло от сердца. Он бодро взбежал на крыльцо. Ни молоточка, ни шнурочка... Ничего, чем посетитель мог бы культурно провозвестить свое появление.

Помявшись, Эгин как следует двинул в дверь кулаком.

Довольно долго внутри не было слышно никакого движения.

Эгин двинул еще раз.

«Неужели Альсим съехал? Надо же быть такой скотиной: съехать – и ни строчки не написать в письме!»

Эгин ведь все-таки не был в столице уже больше двух лет. Сколько всего могло измениться за это время!

Наконец привратническое окошко отворилось. Через решетку Эгин увидел незнакомое лицо немолодого человека, заросшее черной щетиной.

– Желаю видеть милостивого гиазира Еру окс Ланая, – вполне конспиративно начал Эгин.

– Это совершенно невозможно, – монотонно, как механическая кукла, отвечал привратник.

– Это ведь Дом Герольдмейстеров? – переспросил Эгин, окидывая фасад траченного стихийным катаклизмом строения более внимательным взглядом.

«Мало ли! Может, и правда ошибся, перепутал?»

– Да, это Дом Герольдмейстеров, – без выражения ответили из окошка.

– Значит, он принадлежит Ере окс Ланая. Верно? – Эгин одобрил свои слова светской улыбочкой.

– Неверно.

– Кому же он принадлежит сейчас?

– Сейчас он продается.

– А где гиазир окс Ланай?

– Не могу знать.

– Когда он съехал?

– Четыре дня назад.

– Прямо во время землетрясения? – с нарочитым сомнением поинтересовался Эгин. – Вот прямо так: стены падают, а слуги кресла с зеркалами на подводы грузят?

– Не могу знать.

Эгин заметил, что в глазах привратника мелькнула тень замешательства.

– А кто может знать? – с нажимом спросил Эгин.

Вместо ответа привратник, не выдержавший словесного состязания, захлопнул окошко. Но не ушел. Он стоял с той стороны двери и ожидал реакции Эгина.

Эгин осознал, что следует срочно менять репертуар. Видимо, с Альсимом и впрямь неладно. Если упустить момент – будет поздно. Прямо здесь, в Доме Герольдмейстеров, нужно выяснить все, что только знает эта мелкая шушера.

– Ладно, мне надоел этот маскарад, – с усталым вздохом произнес Эгин. Он был уверен, что привратник его слышит. – Я прибыл сюда из Нового Ордоса с поручением к господину Альсиму. Я – аррум Свода Равновесия. Открывайте дверь.

– Покажите Внешнюю Секиру, – пробурчал из-за двери привратник.

– Увольте. Это вы покажите мне вашу. Бьюсь об заклад, я старше вас по званию по меньшей мере на ступень. Думаю, Йор, пар-арценц вашей родной Опоры Единства, не придет в восторг от вашей непочтительности, когда я расскажу ему, как вы со мной разговаривали.

Сказано это было с унылой ленцой бывалого служаки. То есть именно так, как разговаривают старшие офицеры Свода.

О том, что все его вранье пойдет коту под хвост в случае, если достопочтенный кровопийца Йор уже не пар-арценц Опоры Единства, Эгин старался не думать.

Спустя два коротких колокола привратник снова открыл окошко и смерил Эгина взыскующим взглядом служивого.

«Э-э, да я, кажется, попал в яблочко! Долгие лета господину Йору, который не по зубам даже саблезубым коллегам-паукам из Опоры Единства!» – с облегчением подумал Эгин.

Поколебавшись с минуту, привратник открыл дверь. Все-таки никто, кроме княгини и старших офицеров Свода, не знал истинных имен пар-арценцев. Точно так же, как Альсима все, включая членов Совета Шестидесяти, знали под именем Ера окс Ланай, Йор был известен при дворе, во флоте и в армии как Вурм окс Шаатта.

Эгин вошел.

Лязгнули дверные засовы за его спиной.

– Ну, моя вот, – сказал привратник и сунул под нос Эгину жетон эрм-саванна.

Как и положено, Сорок Отметин Огня отозвались своему владельцу резвыми искорками.

– А моя – вот, – спокойно сказал Эгин. В переносицу эрм-саванна врезался его тяжелый кулак.

В ту же секунду другой кулак Эгина повстречался с солнечным сплетением привратника.

Вот уже два года, как у Эгина не было Внешней Секиры – как, кстати, и Внутренней. Ему нечего было показывать.

Привратник, кряхтя и плюясь кровью, скорчился у дверей. А Эгин, сдернув с карниза портьеру из тяжелого кружева, уже вязал его по рукам и ногам.

Он был совершенно уверен в том, что эрм-саванн вообще не понял, что происходит.

Обычные человеческие существа не мыслят в таких промежутках времени, в каких научил мыслить Эгина последний маг народа эверонотов господин Авелир.

Потому что слова «Раздавленное Время» почти ничего ни для кого не значат.

Эгин не стал рукоприкладствовать дальше. Он был уверен – привратник запомнил мощь его ударов и не станет подставляться под них снова.

Все внутренности привратника жгло, как огнем. Сотня раскаленных игл медленно входила в его мозг. Плавая на волнах боли, привратник пытался сообразить, где ставят такие удары. Но ничего путного не шло ему в голову.

Тем временем Эгин умудрился полностью спеленать свою жертву. Потрепав эрм-саванна по щекам, он заставил его открыть глаза.

– Слушай меня, эрм-саванн, внимательно. Ты слышишь?

Привратник судорожно кивнул.

– Я знаю, как убрать боль, которая сейчас подтачивает твой мозг. И я уберу ее, если ты скажешь мне правду. Советую тебе не торговаться со мной. Ты понимаешь меня, эрм-саванн?

– Да, – прошептал привратник.

– Спрашиваю тебя еще раз. Где Альсим?

– Я не знаю. Не знаю! Меня приставили сюда вчера... Говорили, что по указанию самого гнорра... Здесь уже никого не было.

– Кто еще есть сейчас в этом доме?

– Мой напарник... Он сейчас спит...

– Какое поручение дали вам в Своде?

– Просмотреть все вещи... Прочитать все письма... Сообщать обо всем подозрительном... Обо всех, кто приходил...

– Где слуги Альсима?

– Когда мы сюда пришли, в доме никого не было.

– Сколько дней ты здесь?

– Один день! Ровно один! – прохрипел привратник.

– Как ты думаешь, что случилось с Альсимо?

– Я ничего не думаю... Меня не учили думать! Меня учили выполнять приказы...

– Альсим жив? – Эгин приблизился к лицу лежащего на полу привратника почти вплотную. Его колено давило в живот несчастному, причиняя ему невероятную боль.

Эгину очень не нравилось то, что он делал с привратником. Но других вариантов быстро узнать правду у него не было. Ничем иным, кроме иссушивающей мозг боли, заставить офицера Свода переступить через так называемый порог правды было невозможно.

Судя по выражению лица эрм-саванна, но главное – по беззащитным мыслям-рыбкам, сновавшим у самого дна его глаз, он действительно не лгал Эгину.

– Не знаю... я не знаю! Я не знаю-ю-ю! Мне никто ничего не объяснял, мне никто ничего не докла...

Но Эгин не дослушал. На лестнице, ведущей в покои второго этажа, скрипнула половица. Эгин почувствовал присутствие другого человека. Возможно, напарника эрм-саванна.

Спустя секунду воздух рассекла сталь метательного кинжала.

Эгин бросился на пол и, перекатившись, оказался в самом темном углу прихожей.

С характерным струнным звуком метательный кинжал встрял в деревянный пол на расстоянии в ширину ладони от головы привратника.

Эгин мгновенно пришел к выводу, что хоть рукопашной офицеры Опоры Единства толком и не обучены, зато кинжалы метать у них получается вполне профессионально.

Если бы он не выполнил опережающего уклонения, между его шейными позвонками сейчас звенела бы сталь из кузниц Свода.

Противник затаился. Эгин тоже не спешил обнаруживать себя.

Привратник начал возиться в своих путах, стремясь высвободиться из них и, возможно, прийти на помощь товарищу.

«Мы еще повоюем!» – так следовало понимать его упрямство. Однако боль и слабость делали его попытки тщетными.

Шло время. Эгин привстал на одном колене.

Лестница на второй этаж была укрыта роскошной ковровой дорожкой. Такие изготавливались только по особому заказу из бобровых шкурок, нашитых на сукно.

Насчет этой самой дорожки из бобровых шкурок Эгин некогда слышал на дружеской пирушке следующую инсинуацию: дескать, ночами пар-арценц Альсим любит прогуливаться по дому голым и босым. Вот потому-то, чтобы ноги не мерзли, он и измыслил себе такие ковры.

Мастер кинжала из Опоры Единства начал тихо, словно ласка, спускаться по лестнице.

Вот сломалась под стопой офицера сосновая иголка, лежащая на ковровой дорожке, вот дерево еле слышно отозвалось опустившейся на него пятке...

Эгин не был уверен, что два года назад, став аррумом, то есть пройдя через Второе Посвящение, он мог бы слышать то, что он слышал теперь. Но на Медовом Берегу его человеческий слух явно улучшился и стал более чем человеческим.

«Жаль только, что применять его приходится в точности так же, как два, три или пять лет назад».

Судя по звукам, противник Эгина преодолел уже четыре ступеньки.

Это значило, что еще два шага – и он окажется на финишной прямой, отделяющей его от ступенчатого спуска в прихожую, а значит, он снова станет метать в Эгина кинжалы. В темноту или в Эгина – в данном случае не столь важно.

Как вдруг в этот момент вся разыгрывающаяся сцена показалась Эгину до крайности неуместной.

Более того – виденной им в тех или иных вариациях великое множество раз.

Ему надоело таиться.

Надоело противостоять.

Возможно, потому, что он знал – ни спеленутый эрм-саванн, ни его напарник, недурно управляющийся с кинжалами, не являются для него равными противниками. Вопрос, являются ли они вообще противниками. Так почему же он, Эгин, тратит на весь этот фарс драгоценные мгновения собственной, не такой уж длинной жизни?

С такими мыслями Эгин выскочил из своего укрытия, подбежал к краю лестницы, крепко-накрепко схватил руками край ковровой дорожки и что было сил дернул ее на себя.

Эгину повезло. Его визави успел ступить на край дорожки, но когда дорожка вдруг резко поехала вниз, он не успел сделать ровным счетом ничего.

Эгин стремительно тащил дорожку на себя, а вместе с ней по крутой лестнице Дома Герольдмейстеров кубарем катился второй офицер, приставленный гнорром Свода Равновесия для наблюдения за домом Альсима.

Связку метательных кинжалов, с которыми он вступил на тропу войны, офицер выронил сразу же. Эгин слышал, как рукояти кинжалов звякнули, ударившись о лестничные перила.

Спустя минуту грохот утих. Кинжал, предусмотрительно выдернутый Эгином из досок пола, уже приблизился к горлу молодого офицера.

На офицере были только светло-серые рейтузы и несвежая рубаша, которую тот даже не успел перехватить поясом. Похоже, привратник не соврал: его напарник еще совсем недавно мирно посапывал в покоях Альсима.

– Офицер, поверьте, вам нет никакого смысла снова ввязываться со мной в драку. Ничего хорошего из этого не получится. Разве что я могу случайно вас убить, а мне бы этого не хотелось. Поэтому извольте проследовать сюда.

Осторожно, но крепко взяв парня за волосы сзади, Эгин, не опуская кинжала, повел его туда, где, как он знал, расположен нужник.

После этого Эгин, наподдав для острастки по почкам, запер Мату, рах-саванна Опоры Единства, в мраморном нужнике дома чиновника Иноземного Дома Еры окс Ланая. Затем он еще туже затянул узлы на изрыгающем проклятия привратнике и поспешил наверх, в комнату Альсима.

Эгин все еще не терял надежды прояснить для себя, что же здесь, Шилол всех разнеси, происходит. Или, в крайнем случае, раздобыть в доме Альсима немного денег.

4

Кабинет Альсима выглядел так, будто его только что покинул хозяин.

Спираль с излюбленным Альсимовым благовонием «лесная птица», составленным из восемнадцати ароматов, среди которых преобладали чабрец, жимолость и багульник, стояла на подставке для благовоний незажженной. В комнате витал легкий болотный аромат.

«Сюда не так уж часто заходили, – определил Эгин, – иначе тонкий запах лесов Северной Лезы выветрился бы от постоянных сквозняков за день. Да и без сквозняков он не продержался бы больше двух дней. Из этого следует, что по крайней мере позавчера Альсим еще жег свою любимую пакость. Значит, офицеры все-таки сказали правду».

На спинке рабочего кресла висел расшитый жемчугом чиновничий камзол со знаками отличия чиновника Дома Недр и Угодий.

На столе стоял стакан с жидкостью для полоскания рта.

У Альсима, и Эгин это помнил, частенько болели зубы. А походы к Знахарю Свода пар-арценц любил той же трепетной любовью, какой маленькие девочки любят пауков и мокриц. Эгин осторожно взял в руки стакан и посмотрел его на свет.

Оставленная некоторое время назад без движения жидкость начала отстаиваться. Осадок стал понемногу собираться внизу – там цвет раствора был интенсивнее, чем сверху. «По крайней мере три дня назад Альсим был еще здесь...»

Если бы Альсим не прикасался к стакану неделю, следы разложения раствора были бы более явными. Если бы он брал стакан в руки вчера – жидкость тоже выглядела бы не так.

«Значит, буквально до последних дней у Альсима все было в относительном порядке, иначе едва ли у него нашлось бы время печься о своих зубах. А потом? Потом начались неожиданные неприятности. Если после землетрясения, когда люди Свода нужны буквально всюду, в доме у Альсима находят возможным оставить двух дуриломоу, значит, эти неприятности очень серьезны. Неужто Альсим впал в немилость у Лагхи?»

Эгин бросил беглый взгляд на бумаги, которые лежали на столе. На чернильницу, под хрустальной крышечкой которой плескались свежие темно-малиновые чернила.

«Считаю правильным направить двух рудознатцев в район Нашлаимского хребта». И подпись: Ера окс Ланай.

«Это Альсим тренировался исполнять перед иностранными лопухами роль чиновника Дома Недр и Угодий», – сразу понял Эгин.

«Драгоценный Ваин, жду тебя сегодня вечером. Прихвати доску. Свою я залил компотом». «А это Альсим зазывал кого-то на партию в Хаместир, да письмо не отправил».

А это?

Перед Эгином лежал белый лист бумаги, на котором было изображено нечто, отдаленно похожее на большого медведя. Или медведицу.

Страшные, глубоко посаженные и по-человечески выразительные глаза были проработаны Альсимом с особым тщанием. Могильным холодом веяло от фигуры зверя и от странной фарфоровой чашки для крющона, которая стояла у его передних лап.

Убедившись в том, что с обратной стороны не написано ничего важного и что бумага не содержит следов тайнописи, Эгин вернул лист с медведицей на стол.

Да, так он и думал. Офицеры Свода не оставляют на своих столах важных бумаг.

«Значит, придется искать деньги», – вздохнул Эгин.

Ему ничего не оставалось, как споро выворотить на пол содержимое верхних ящиков стола, опустошить шкатулку с ерундовыми драгоценностями и прихватить кошелек с семьюдесятью золотыми аврами, который спокойно лежал нетронутым на тумбочке возле кадки с засыхающим миртовым деревцем.

«Будто меня дожидался!» – подумал Эгин и спрятал кошелек за пазуху.

– У тебя твердая рука. Неплохо управляешься с кинжалом, – сказал Эгин рах-саванну, которому посчастливилось пересчитать ступени лестницы при помощи своих ребер.

– Благодарствую, – буркнул тот, с опаской поглядывая на Эгина.

– Развяжи своего друга, – бросил Эгин, указывая ему в сторону скорчившегося в муках привратника. – И скажи ему, что через час боль уйдет.

Офицер бросился выполнять указания Эгина.

– Между прочим, в ваших интересах ничего никому не рассказывать. Вам ведь не пове-
рят, если вы скажете, что двух офицеров Свода одолел какой-то штатский грабитель. – Эгин выразительно потряс кошельком.

Бесшумно закрыв за собой дверь Дома Герольдмейстеров, он вышел на улицу и почти сразу исчез в ранних зимних сумерках.

5

По поводу текущего местоположения Альсима у Эгина оставалась одна-единственная версия.

«После неких недавних событий, о которых мне знать пока не дано, он просто перебрался жить в Свод», – решил Эгин.

Ноги сами несли его в нужном направлении. На площадь Двух Лагинов, под сень пирамидальной громады Свода Равновесия.

Если у Пиннарина и было нечто, что можно было бы приравнять к Золотому Цветку, или, если угодно, центру средоточия силы, то находился этот центр не в княжеском дворце, как полагали некоторые подхалимы, и не в военной части морского порта, как полагали некоторые патриоты (то есть подхалимы другого рода), а в здании Свода Равновесия.

Когда Эгин вышел на площадь Двух Лагинов, на краю которой красовалась серая громада Свода, он обнаружил, что ноги «сами принесли» на эту площадь не только его, но еще и тыщонку-другую жителей столицы.

Походило это все на несанкционированное народное гулянье во время холеры. Прямо на греовердовых плитах, на некотором отдалении от парадного входа в Свод, жгли костры, на которых грелась в огромных котлах благотворительная похлебка.

Эту похлебку жаловала своим подданным Княгиня.

По площади, словно Измененные лучи розы ветров, змеились многоголовые очереди за дармовщиной. Рядом расхаживали солдаты, присматривающие за порядком. Мимо страждущих похлебки сновали сноровистые коммерсанты. Они предлагали пирожки с крысятиной, хлеб с отрубями и воду.

Пресная вода в Пиннарине стала ценой с молодое вино. Два акведука, снабжавших водой большую часть столицы, были разрушены на протяжении многих лиг. Третий обещали починить к послезавтраму.

А из многих колодцев вода ушла в один день, не считая тех, что оказались погребенными под развалинами. А было их и так не больно много.

«Налетай, лучшая вода в столице! Кишки так и продирает!» – орал мальчик с бурдюком.

Но Эгину не нужно было продирать кишки.

Ему нужны были холодные мраморные ступени, приводящие к центральному входу в Свод.

Как известно, этим входом не пользовался никто, кроме впервые доносящих в Опору Благонравия, страдавших размягчением мозгов и тех, кто решил попробовать свои силы в Комнате Шепотов и Дуновений, или, иными словами, в борьбе за должность гнорра.

И те, и другие, и третьи были по-своему сумасшедшими.

Сумасшедших в Варане не любили и боялись.

Поэтому, когда стало понятно, куда именно направляется неплохо одетый молодой гиазир с коротко остриженными волосами цвета спелой ржи, люди, что стояли поближе ко входу, стали расступаться, перешептываться и указывать на Эгина пальцами.

– Милок, не ходил бы ты туда. Молод еще, не воротишься, – схватила Эгина за рукав сердобольная бабка, стоявшая в очереди к котлу со своей деревянной кружкой. Во рту у нее не сочлось бы и четырех зубов.

– Значит, не судьба мне будет воротиться, бабушка, – усмехнулся Эгин.

6

Перед огромной высоты дверями Эгин остановился и закрыл глаза.

«Что ты делаешь, безумец?» – спрашивал Эгина собственный рассудок голосом наставника из Четверного Поместья. «Ты поступаешь правильно. Главное – не бойся», – успокаивала Эгина его собственная душа голосом Авелира.

«Не лучшее место для дебатов», – закрыл дискуссию Эгин и его пальцы сжали ледяную ручку из черного серебра.

Он никогда не заходил в Свод через парадный вход. В бытность свою офицером он всегда пользовался тоннелями.

Но воспользоваться тоннелем сейчас Эгин не имел никакой возможности.

Во-первых, шансы Эгина пройти через тоннель были еще ниже, чем здесь.

Впрочем, и здесь они равнялись почти что нулю. Только в тоннеле его попросту зарубили бы на входе при попытке объясниться – стражи тоннеля куртуазными манерами, как и разговорчивостью, не отличались.

Да и вопрос еще, какие из тоннелей уцелели после землетрясения и какие сейчас работают. Эгин знал, даже и без всяких землетрясений: проходы, что были рабочими еще неделю назад, сегодня запросто могут оказаться закрытыми на неопределенный срок.

Роль стража в обширном холле Свода Равновесия выполнял один-единственный офицер с дивными, до плеч, рыжими волосами и высокомерной улыбкой человека, многого добившегося в этой жизни своими собственными усилиями.

Точнее, можно было видеть только одного офицера.

Эгин знал, что сейчас за ним наблюдают по меньшей мере четыре пары глаз.

Двое – из-за зеркала, украшающего стену по правую руку от него.

Двое – из-за зеркала слева. И Шилол знает, сколько еще.

– Вы в Комнату Шепота и Дуновений? – поинтересовался рыжеволосый офицер, вальяжной походкой приближаясь к Эгину.

– Нет.

– В таком случае вам, должно быть, есть что рассказать служителям Князя и Истины?

Эгин невольно усмехнулся. Его опрашивали по стандартной схеме. Неужели он похож на доносчика?

Все доносчики, которых доводилось ему видеть в кабинетах Свода, были малого роста, плюгавы, сероглазы и обычно уже в летах. Те, что были помоложе и выглядели попрезентбельнее, кажется, предпочитали доносить письменно.

– Нет, мне нечего донести. Но мне есть что рассказать служителям Князя и Истины.

– Что именно вы хотите рассказать?

– Меня зовут Эгин. Еще два года назад я был аррумом Опоры Вещей. Но по личному распоряжению гнорра Лагхи Коалары я был почетно уволен из рядов Свода по состоянию здоровья.

Молодой офицер внимательно оглядел Эгина с ног до головы. Разумеется, ему совсем не верилось, что у Эгина плохо со здоровьем.

Прекрасно сложенное, мускулистое тело Эгина, его глаза, манера двигаться и говорить – все это источало жизненную силу в количестве, несовместимом со словом «болезнь».

Еще меньше рыжеволосому офицеру верилось в то, что надменный гнорр Лагха Коалара станет принимать участие в почетном увольнении каких-то там аррумов, которых в Своде как собак нерезаных.

Но самое главное, офицеру совершенно не верилось в то, что человек в расцвете сил и карьеры может «уволиться» из Свода. Ведь с молодых ногтей его учили – из Свода можно уйти либо вперед ногами, либо на пенсию, по выслуге лет.

Да и сама «пенсия» будет скорее всего протекать в одном из Поместий, где учат молодежь Свода. А вовсе не на курорте с целебными грязями, как представляется некоторым дуракам.

На каких же жерновах Хуммера смолота та пудра, которой обильно посыпает его мозги этот безумец, говорящий с легким аютским акцентом?

– Офицер, этот шрам – след от Внутренней Секиры, которую извлекли из моего тела два года назад, – продолжал говорить Эгин, до самого плеча задирая рукава рубахи и камзола. – Вы видите?

– Я вижу. Но если вы и впрямь были офицером Свода, то должны понимать, что такой шрам легко подделать, – с подозрительным прищуром сказал рыжеволосый.

– Легко. Но зачем? Скажите, зачем его подделывать? – спросил Эгин с убийственной интонацией. – Неужели вы думаете, что харренский сотинальм станет подсылать своих шпионов к центральному входу в Свод?

Подозрительность его бывших коллег начинала изрядно действовать ему на нервы. Как всегда, проверяют все что угодно по триста раз, пока под носом у всех проверяющих, в самых верхах, созревает очередной опаснейший заговор, наподобие заговора Норо окс Шина. Да и вообще – Пиннарин в руинах, а эти здесь, как обычно, сама бдительность! Сама сдержанность!

– Или, может, Гиэннера повредила в уме и решила заняться такими трюками? – нажимал Эгин.

– Это не входит в сферу моей компетенции, – холодно сказал офицер.

– Послушайте, я не настаиваю на том, чтобы меня непременно пустили...

– Об этом не может быть и речи, – вставил офицер.

Он знал, что за ходом их разговора внимательно следят офицеры, расположившиеся за зеркалами. Он очень не хотел, чтобы кто-то из них составил рапорт, в котором отмечалось бы неполное служебное соответствие офицера такого-то, выразившееся в неподобающей манере вести беседу.

Он знал: стоит ему подать людям за зеркалами знак – и Эгина уведут туда, откуда нет возврата. Туда, где существуют только «расследования», «доверительные расспросы», «довыяснение подробностей». Но рыжеволосый офицер не торопился подавать этот знак. Возможно, из-за того, что стоять в вестибюле Свода, ожидая таких вот, как Эгин, тронутых, было очень и очень скучно.

– ...Мне всего лишь нужно поговорить с Альсимом, пар-арценцем Опоры Вещей. Или с гнорром. Мне нужно, чтобы вы передали Альсиму или Лагхе Коаларе сообщение из двух слов. «Эгин в столице». Я могу рассчитывать на это? – продолжал Эгин, прилагая огромные старания к тому, чтобы не потерять самообладание.

– Нет. Вы не можете на это рассчитывать. Офицеры Свода не подрабатывают почтовыми голубями. Если вы и впрямь знакомы накоротке с теми людьми, имена которых вы здесь упомянули, значит, у вас должны быть особые каналы для связи с ними. Разве вам, бывшему офицеру Свода, если принять за правду то, что вы мне тут понарасказывали, это внове? – с издевкой поинтересовался офицер.

– Разумеется, нет. Но сегодня, когда я пришел к особняку чиновника Дома Недр и Угодий Еры окс Ланая, под личиной которого долгое время в столице проживал гиазир Альсим, я обнаружил там засаду из людей Свода. Вследствие этой причины связаться с гиазиром Альсимом по каналу, который был мне ранее указан, я не мог.

Эгин заметил, что при упоминании о Ере окс Лане глаза молодого офицера блеснули тусклым огнем любопытства, хотя это было всего лишь конспиративное имя, известное, по идее, очень и очень немногим.

Видимо, офицер решил, что на этом странном человеке, выдающем себя за его бывшего коллегу, можно наиграть лишнюю ступень своей карьеры.

Секунду спустя Эгин заметил, что офицер пытается подать знак людям в левом зеркале – это означало, что начинается второй тур переговоров.

Эгин очень надеялся, что этого второго тура не последует вовсе.

Что ж, значит, надеялся он напрасно.

Как ни в чем не бывало офицер заткнул большой палец левой руки за кожаный поясной ремень. Это означало, что он просит подмоги у левого зеркала.

Но знак рыжеволосого был принят совсем с другой стороны.

Правое, а не левое зеркало повернулось вокруг своей оси и в ярко освещенный вестибюль вышел человек, чье лицо показалось Эгину смутно знакомым.

Быстрыми шагами человек подошел к Эгину и рыжеволосому, показал левому зеркалу знак «отбой».

– Меня зовут Тэн, я – рах-саванн Опоры Единства. Вы, наверное, меня не помните, но я, Эгин, вас помню отлично.

Эгин всматривался в костистое лицо рах-саванна, терзая свою память. Но она отказывалась выдавать соответствующие этому Тэну время, место и обстоятельства.

– Мы встречались на мятежном «Венце Небес». Мы встречались и во время штурма Хоц-Дзанга. Я помню, как вас, раненного в спину, принесли на «Венец» и как гнорр, можно сказать, сдувал с вас пылинки.

Эгин дружелюбно улыбнулся. «Сдувал пылинки» – это, конечно же, слишком крепко сказано. По-настоящему гнорр сдувал с Эгина пылинки на Медовом Берегу, после того как он убил потворного девкатра.

– Я знаю, что вы говорите правду. И я очень хочу вам помочь. Эрм-саванн, оставьте нас на минуту, – бросил он начальственным тоном в сторону рыжеволосого офицера.

Нехотя повинувшись, тот пошел прогуляться по холлу, с нарочитой беспечностью разглядывая лепные гербы на потолке.

– С вашей стороны было чудовищной глупостью являться сюда. Но если выдастся возможность, я передам гнорру то, о чем вы просили. Гнорр не дает увольнений кому попало – думаю, он вас помнит. А теперь немедленно уходите. И не оборачивайтесь.

Эгин понял, что спорить с этим рах-саванном бессмысленно.

И что если бы не Тэн, скромный служака с «Венца Небес», сейчас он вел бы нудные беседы со своими, не столь благожелательно настроенными к нему, бывшими коллегами.

– Спасибо, Тэн, – бросил Эгин и поспешил к стеклянным дверям, провожаемый удивленным взглядом молодого рыжеволосого карьериста.

Глава 7

Дипломатия в будуаре

Время от времени сильные мира сего допускают серьезные ошибки.
Вик Грамматик

1

Три сторожевые галеры перехватили этот необычный корабль в семи лигах от пиннаринского порта.

Корабль шел под косым парусом, каким часто пользуются смеги, но был значительно длиннее пиратской фелюки. Шел споро – начиналась пора «грютто», западных и северо-западных ветров, с завидным постоянством несущих на Пиннарин туман, дождь и мокрый снег.

Да и конструкция корабля, судя по всему, была выбрана весьма удачно. Капитан флагманской галеры прикинул на глазок скорость пришельца и заключил, что при таком ветре угнаться за ним на веслах было бы непросто. Впрочем, это если гнать в сторону Пиннарина. А вот уйти в море паруснику никак не удастся – ветер не в его пользу, после разворота скорость его по меньшей мере уполовинится.

Над «вороньим гнездом», в котором виднелись фигурки двух наблюдателей, был укреплен большой архаический штандарт, отличный от варанских, ре-тарских и харренских: белоголубой, с двумя длинными алыми лентами по краям. На фоне чередующихся белых и голубых полос располагались четыре семиконечных звезды, помещенные в вершинах воображаемого ромба.

Ни капитан флагманской галеры, ни его помощник никогда не видели воочию такого штандарта. Пробили тревогу и послали юнгу в капитанский шатер (ни кают, ни надстроек на сторожевых галерах не было) за реестровой книгой.

– Оружие – к бою! – раскатилось над носовыми площадками варанских сторожевиков.

В считанные мгновения были сброшены парусиновые чехлы, поползли по направляющим желобам казенники многозарядных стрелометов, палубная пехота выстроилась в колонну за перекидным абордажным трапом, «вороном».

Капитан поднес к губам медный раструб:

– Зарифляй паруса!

Повторил по-харренски. По ре-тарски. И на языке смегов.

Неопознанный корабль не отреагировал.

Юнга притащил реестровую книгу. В самом конце, в разделе «Непроверенные редкости», значилось: «Владеют ли князья Фальма своим флотом – в том полной уверенности нет. Однако следует знать, что обычным для Фальма гербом внешних сношений являются четыре семиконечных звезды в поле из белых и голубых полос».

Зверда, Шоша и капитан Цервель – такой же наемник, как и воевода Лид – пристально следили за варанскими галерами. За свою шкуру Зверда и Шоша почти не боялись. А вот Цервель, единственный мореход Маш-Магарта, трусил преизрядно.

– Я вам говорил, у них отлично поставлена дозорная служба, – с укором сказал Цервель. – Надо было ночью идти, тогда был бы шанс проскочить.

– Мы не тати, чтобы красться в ночи, – гордо сказал Шоша.

– Зарифляй паруса-а! Возьму на абордаж – хуже будет! – донеслось с варанской стороны.

– Что там они бубнят? – переспросил Шоша у Цервеля.

– Что-что... Остановиться просят, вестимо.

– Флаги! – коротко скомандовала Зверда. И, поднеся к губам спиленную с одного конца раковину, ответила на варанском: – Мы – мирное посольство Фальма! Мы просим свободного прохода в пиннаринскую гавань!

Ее голос разнесся удивительно звонко. Зверду было слышно куда лучше, чем гундосого варанского капитана. Одновременно с этим фальмский парусник выбросил аж четыре черных флага – по два с каждого борта.

Капитан варанской галеры видел, что фальмский корабль не вооружен и на его палубе не видно никого, кроме хозяев и нескольких матросов парусной команды. Однако это не было аргументом для служаки, располагающего четкими инструкциями.

– Не имею на ваш счет особых указаний! Вы должны быть досмотрены и отбуксированы к Вересковому мысу! Затем ваше дело будет рассмотрено!

– Я же тебя предупреждала, – повела плечом Зверда. – У них так принято: по два месяца послов мурожить, а потом выдворять к Шиловой матери.

– Командуй, капитан. Пришло время. – Шоша хохотнул в предвкушении веселья и ободительно хлопнул Цервеля по плечу. – Двойную премию всем, когда прорвемся!

«Если прорвемся», – подумал капитан, но перечить не стал.

– Давай бортовые! – крикнул он матросам. – Пошевеливайтесь, бакланы, нечего паялыться! Смерти давно не видели?!

До варанских галер было самое большее сто сажений. Одна из них попадала на левый траверз фальмского парусника, две других, в том числе и флагманская, – на правый. Расстояние между галерами было таким, что в него можно было достаточно свободно пройти. Однако при этом оба борта оказывались под обстрелом.

– Что наши рыбки? – вполголоса осведомился Шоша у Зверды.

– Здесь. Чуть не от самого Маяка Скворцов все собрались.

– Я их не чую, – признался Шоша.

– Мельчаете, любимый. Прав был Вэль-Вира...

Зверда и Шоша посмотрели друг на друга в упор. Кровь ударила Шоше в голову, но ему хватило ума не скандалить посреди чужого моря. Зверда неожиданно нежно погладила мужа по щеке. Шоша просиял.

Капитан варанского дозора видел, что фальмские матросы суеются на палубе, да только зарифлять парус никто не торопится.

– Считаю до десяти! Потом стреляю! – сообщил капитан самоубийцам с Фальмского полуострова.

К этому моменту на его галерах были взведены уже и громоздкие четырехлучевые машины, мечущие гарпуны на цепях – незаменимое средство при abordage. Стоит фальмскому неслауху оказаться меж галерами – его загарпунят с двух сторон. И не рыпнется, голубчик!

Фальмский корабль неожиданно выбросил две невиданных скошенных мачты, которые свешивались за каждый борт и несли по одному дополнительному прямоугольному парусу. Паруса громко хлопнули, наполняясь ветром, и корабль полетел вперед еще быстрее. Это была первая неожиданность.

– Раз, два... десять! – сорвался обозленный капитан.

Зачастили полуавтоматические стрелометы варанских галер. Но высокий фальшборт парусника смог надежно защитить и непрошенных послов, и залегших на палубе матросов. Такое оружие было эффективно против морской пехоты неприятеля, выстроившейся на палубе перед abordажным броском. Или против пугливого «купца». Но на фальмском корабле не было ни морской пехоты, ни ценных грузов.

Когда форштевень фальмского гостя вышел на одну линию с форштевнями варанских галер, вода вокруг него – и с бортов, и за кормой – забурлила от несметного числа плавников,

серебристых тел, беспокойно бьющих хвостов. Полчища рыб, мелких придонных и больших глубинных рыб моря Фахо поднялись на границу с чуждой им стихией.

Некогда варанский капитан слышал басни о том, что раз в столетие из пучин морских поднимаются полчища сельди во главе с сельдяным королем и, шествуя огромной ордой, проходят через все море. По пути они губят без разбору мелкие суденышки и рыбацьи лодки, вздымая их на высокий гребень живой волны. А в завершение своего разорительного шествия орда находит на побережье самого доброго человека и преподносит ему жемчуга, золото и другие богатства из глубин морских.

Что-то подобное происходило теперь на его глазах. Правда, сельди в этой ораве было мало, жемчугов при них не было вовсе, а сельдяным королем, кажется, рыбы избрали корабль фальмских пришельцев.

Однако расчеты гарпунных машин были чужды всякого почтения к новоявленному «сельдяному королю».

Упругие пучки жил, на совесть сплетенные в мануфактуре Имерта окс Гашаллы, рванули метательные рычаги, казенники громыхнули о стопорные брусья и две иззубренные железные стрелы, гремя цепями, проломили борта нарушителя.

Натяжные пояски при ударе соскользнули со сложенных наконечников и уже внутри корабельного корпуса раскрылись их подпружиненные лепестки. Такой гарпун и секирой не перерубишь, и молотом не вышибешь.

Корабль вздрогнул и резко замедлил свой бег. Шоша и Зверда, которые опустились на колени, чтобы не стать жертвой залетной стрелы, с трудом удержали равновесие.

– Барон, извольте проверить, что за дерьмо прилипло нам на хвост, – попросила Зверда.

– Слушаю и повинуюсь, моя баронесса!

Шоша выхватил из заспинных ножен свой боевой бич, с которым был неразлучен, и с изумительной ловкостью подбежал к фальшборту.

– Мелкая мелочь, – осклабился Шоша, заметив гарпун, который торчал неподалеку.

– Сложить оружие, зарифляй паруса! – без умолку орал варанский капитан. Он отметил про себя, что если фальмские бандиты не уберут паруса сами, то их скоро сорвет порывистый «грюнто». Выворотит с мясом, с крепежом и реями.

Варанский капитан полагал себя победителем.

Его галера потихоньку вытравливала гарпунную цепь, в то время как другая галера свою цепь стравливала.

Таким образом, не в меру прыткий парусник скоро должен был оказаться в сфере досягаемости абордажного трапа. Третья же галера заходила паруснику с кормы – так ей было сподручнее – и тоже должна была вот-вот достать его своим абордажным крюком. Все четко, как на учениях!

Барон Шоша тем временем прытко подбежал к тому месту, где из середины борта торчал гарпун. Он отпустил змееживой бич на всю длину – ее как раз хватило, чтобы захлестнуть гарпун у самого основания – и рванул на себя.

«Вжж-ж-ж-ж» – искры, звон – «вжжжиу»!

У варанского капитана полезли на лоб глаза. Гарпун остался торчать в борту, неведомый волхв исчез из поля зрения – видать, побежал к другому борту, – а перегрызенная колдовским металлом цепь упала в море. Туда, где бесновались рыбы орды.

Сила ветра был такой, что, освободившись от одной цепи, фальмский парусник сразу же тронулся с места, выказывая намерение волочить за собой загарпунившую его вторую варанскую галеру.

– Барон, повремените! Давайте проучим негодяев! – прокричала Зверда, видя, что барон уже готов перерезать своим чудо-оружием вторую цепь.

Вместо ответа Шоша зареготал. Он понял, что имеет в виду его многомудрая супруга.

Барон для виду попыхтел над второй цепью, не применяя заклинаний-мыслеобразов, и – вроде как разочарованный – спрятал боевой бич обратно за спину.

Попутный ветер и рыба орда, с трех сторон подталкивающая своего «короля», понесли корабль к Пиннарину.

Следом за ним, волочась на гарпунной цепи, потащилась варанская галера. Неуправляемая, ломающая весла о волны при попытках табанить, совершенно беспомощная.

Две другие галеры лихорадочно разворачивались вслед ускользнувшему нарушителю. Они выпустили еще около двадцати стрел и достали-таки одного матроса. Та галера, что заходила на фальмский парусник с кормы, метнула свой гарпун, да в спешке промахнулась. А догнать стервецов на веслах при такой погоде шансов не было...

Лагха Коалара, работавший в своем кабинете под куполом Свода Равновесия, не почувствовал ни малейших магических возмущений. Могучий Зрак Истины оставался безмятежен. День как день, отличный зимний денек.

Ни скука, ни праздное любопытство не заставили его подойти к лебяжьим шеям дальнотрубных труб, выведенных по периметру кабинета. Звуки из порта при закрытом куполе сюда не проникали. Поэтому Лагха прозевал отменное зрелище: столкновение сторожевой галеры с каменным молотом на входе в гавань, и – мириады серебристых молний, прыснувшие из-под неведомого парусника.

Молнии быстро растворились в морских глубинах за молотом, а парусник вполне степенно вошел в пиннаринскую гавань и бросил якорь у крайней пристани возле Арсенала.

Спустя полчаса двери подъемника распахнулись, впуская в кабинет запыхавшегося «лосося» в сопровождении двух рах-саваннов Опоры Единства. Только от них гнорр Свода Равновесия узнал, что в порту, под прицелом шести «молний Аюта», пятидесяти семи тяжелых метательных машин и пятисот лучников находится посольство Фальма, неведомо как упущенное морским дозором.

На посольском корабле исполняют диковатую, но приятную для слуха музыку, а борта его увешаны черными флагами вперемешку с шитыми золотом добрыми пожеланиями.

Взоры Аррумов и Зраки Истины не могут нащупать ровным счетом никакой магической крамолы. Только лишь змееживой бич в руках главы посольства, благородного Шоши велиа Маш-Магарт, является подсудным оружием. Но законы о подсудном оружии, увы, искони не распространяются на предводителей иноземных посольств.

Однако фальмское посольство появилось в порту против правил, да еще привело в негодность одну из сторожевых галер, экипаж которой рассказывает...

Лагха внимательно слушал «лосося», не перебивая.

Латы офицера морской пехоты поблескивали так, словно тот весь день специально готовился к аудиенции у гнорра. «А ведь он здесь первый раз в жизни. И никогда не мог помыслить, что вообще попадет в Свод. И не попадет уже сюда никогда. Если ему, конечно, повезет», – рассеянно размышлял Лагха. Одновременно с этим его мозг вел лихорадочную аналитическую работу.

Разделять внимание он умел сизмальства, а в последние недели эта способность стала проявляться все чаще.

«Фальм и Харрена – враги с начала имперского периода;
эпизодический союз: на время Тридцатидневной войны;
Фальм внутри – союз вольных баронств;
бароны... упрямые бараны с ворохом древних привилегий;
привилегии... сохраняются веками, бароны воинственны, замки
укреплены, Фальм – болота, леса, горы;
болота, леса, горы... Вермаут! 12-й год: глубокое проникновение аррума
Сайтага;

судьба проникновения: нет достоверных данных;
Вермаут: гора, магическое значение – неопределенное;
Версии: бывший Золотой Цветок, бывший форпост ледовооких, бывшая резиденция диоферидов, бывший храм Гаиллириса;
войны: Харренский Союз, смеги; эпизодически – Варан;
есть ли внутренние уособицы? нет достоверных данных;
Шоша? нет достоверных данных;
Фальм... Фальм... Эгин! Отчет Эгина, 62-й год: вероятное место назначения беглых мятежников во главе с Дотанагелой;
связь? да спросить теперь не с кого, надо было при себе хоть кого-то из мятежников придержать, хоть бы Иланафа, да с мразью всякой нянчиться тогда не хотелось, Шиолова кровь!»

Лагха, покусывавший обветренную губу, ощутил на языке солоноватый привкус крови.

«Действия Свода:

- уничтожить корабль вместе с послами незамедлительно, формальный повод есть: сопротивление дозорным галерам;
- интернировать посольство, замордовать, допросить всех поголовно, этого Шошу – с особым пристрастием;
- принять как положено принимать послов и выслушать;
- отказать в приеме и под прицелом «молний Аюта», в сопровождении трех-четырех «Голубых Лососей» принудительно отправить корабль обратно на Фальм».

Остальные варианты отличались друг от друга только деталями.

Вслед за офицером в надраенных латах подъемник успел доставить в кабинет Первого Кормчего, Альсима, Сонна, Йора, коменданта порта и главу Иноземного Дома. С ними был еще десяток офицеров Свода из внутренней охраны.

Морской офицер в парадных латах закончил доклад и молчал уже пять коротких колоков. Молчал и Лагха.

Гнорр обвел скучающим взором всех собравшихся.

Когда истинный властелин Варана вдруг заговорил, вздрогнули все, включая Альсима.

– Милостивые гиазиры, все вы здесь. Но кто же в порту остался? – спросил гнорр без тени улыбки.

– Пар-арценц Опоры Безгласых Тварей! – отрапортовал Сонн.

Ему казалось, что гнорр все-таки шутит, но лучше было не опережать событий понимающими улыбочками. А то можно было остаться навек без улыбочки.

– Ну вот идите и скажите ему, чтобы сняли машины с боевого взвода. Сейчас сыро. Неровен час какая-нибудь дрянь сорвется – скандал на всю Сармонтазару. Если послы к нам с такими трудами прорвались, значит, у них есть что нам сказать. Головы рубить легко. Мало кто их обратно пришивать умеет.

Альсим и Сонн украдкой переглянулись. Согласно тайному распоряжению человеколюбивой княгини Сайлы боевые машины были разряжены еще четверть часа назад.

2

После приема послов Лорм окс Цамма – Первый Кормчий, то есть главнокомандующий варанского флота на всех морях и в Океане – нагнал Альсима, так же известного, как Ера окс Ланай. Альсим степенно вышагивал по направлению к своему дому. Он был один. Лучшего случая поговорить с ним могло не представиться еще очень долго.

– Как вы находите поведение гнорра?

– Молод. Наш гнорр по-прежнему молод душой.

– Скажите, считаете ли вы, лично вы, предложения баронов выгодными?

– Нет. Не считаю. Я полностью разделяю мнение гнорра. Целиком и полностью.

– Вы лжете! Как может верный слуга Князя и Истины не желать всем сердцем обрести таких союзников? Возможно, вы плохо понимаете значение Фальма! Вы человек мудрый, но вы не военный. Фальм – это нож, направленный в самое сердце Харренского Союза. Любой из извилистых и глубоких заливов Фальма – превосходная база для полусотни боевых кораблей! Стоит разместить на полуострове две-три эскадры во главе с «Лепестком Персика» – и...

– ...И начнется война с Харренским Союзом. Да такая, по сравнению с которой Тридцатидневная покажется веселым народным гуляньем.

– Возможно. Ну и пусть! Северную империю давно пора пнуть со всего размаху. Пусть наконец познает свое ничтожество! На нашей стороне смеги – это раз. Не делайте таких невинных глаз, я знаю о тайном трактате, подписанном три года назад при помощи этого скандального аррума, Ервина.

«Эгина», – мысленно поправил Альсим. Но перебивать не стал. Он видел, что Лорму нужно выговориться. Что же, пусть впадающий в маразм служака болтает побольше.

Все аргументы «партии войны», которая за каких-то полтора часа успела сложиться на Совете Шестидесяти во время первого круга переговоров, Альсим уже слышал. Дальше будут только вариации. Однако ему, стороннику отказа от каких бы то ни было сношений с Фальмом, оказавшемуся вместе с Лагхой в «блистательном одиночестве», требовалось не просто понять, но прочувствовать настроения и мысли ключевых персон из «партии войны».

– Далее. Ткачи на острове Кад и их хозяева недовольны налоговой политикой материка. Они тоже наши потенциальные союзники. Вспомните также о настроениях в Орине, Ирвере, Итарке. Вспомните, что Дельта в последнее время предпочла бы независимость с варанскими или тернаунскими гарантиями...

– Ненавижу кретинов... – неожиданно для самого себя прошипел Альсим, останавливаясь. – Ты в Хаместир играл когда-нибудь, Лорм, твою мать?! Если фигурки сделаны из лакированного дерева и если стоит много башен рядом, что бывает? Одну толкнул – и вслед за ней все разъехались, сколько их ни есть! Пихаешь башенку, она валится, валит соседнюю, та – третью... Если мы заключим союз с Маш-Магартom и войны не будет – хвала Шилолу. Но тогда и союз с Маш-Магартom для нас не имеет смысла. Что они хотят?! Убрать нашими руками, моими, вот этими самыми руками, между прочим, какого-то Вэль-Виру. Кто это такой – я не знаю. Лагха не знает, никто не знает! Разбить дружину Вэль-Виры, разрушить замки его вассалов, захватить какой-то Гинсавер... А за это, понимаешь ли, мы получим несколько заливов на каменистом побережье, пару клочков земли для своих форпостов и союз с уцелевшими баронами Фальма. Каковые бароны, заметь, последний раз покидали свои вотчины ради того, чтобы вместе с харренитами высадиться у нас, в Варане! Кто Ордос брал, а? Уроженцы Харрены? Итарка? Северной Лезы? Хуммерово очко, Ордос штурмовали баронские дружины Фальма! Даром, что под знаменами Союза!..

Последние фразы Альсим выкрикивал уже в спину удаляющемуся Лорму. Прохожие с испугом шарахались от престарелого чиновника Дома Недр и Угодий, который беззастенчиво

крыл Первого Кормчего, всенародно любимого героя «известных событий», как обтекаемо именовался мятеж Норо окс Шина.

Из разговора ничего путного не вышло. Каждая сторона еще больше утвердилась в своей правоте. Альсим окончательно осознал, что военная верхушка Варана состоит из идиотов. А Лорм отныне не сомневался, что его вспыхнувшая некогда дружба с Альсимом оборвалась не случайно, что с этим человеком он теперь рядом даже и не сядет.

3

Поздним вечером Лагха прихватил четыре больших бутылки аютского вина, выбрал в своей личной оружейной комнате тройчатую дагу в подарочном исполнении для особ диктаторского ранга, тайком сорвал в оранжерее своей жены громадную нежно-кремовую лилию и отправился на прогулку.

Сиятельная Сайла закатила ему вслед истерику. «Если ты сейчас пойдешь к этой курве, можешь ночевать под забором». Звучало это грозно, убедительно. Особенно если учитывать, что Лагха владел личной резиденцией, располагал своими, по закону положенными апартаментами во дворце, имел спальную комнату под кабинетом в здании Свода и около двадцати тайных служебных квартир по всему Пиннарину.

Сайле Лагха довольно мягко отвечал, что направляется делать большую политику, а не бляжить. Что при наличии в его корзине лилии и четырех пузатых вместилищ аютского напитка любви звучало, по мнению княгини, весьма цинично.

На входе в коридор со многими комнатами, который был отведен в дипломатической гостинице фальмскому посольству, стояли четыре истукана.

Это были вассалы Маш-Магарта, в полных доспехах, с мечами и золочеными боевыми топорами. Так велело Право Народов – посольства оберегают свой покой сами, не полагаясь на охрану, предложенную гостеприимцами.

– Кто таков? – осведомился старший караула.

Этот вояка не мог не знать кто перед ним. На дневном приеме он был в свите Шоши и Зверды и видел гнорра в парадных одеждах, об руку с Сиятельной. Но не в обычае Лагхи было скандалить.

– Лагха Коалара, гнорр Свода Равновесия.

– Как доложить?

– Так и доложить. Пришел хозяин Варана, с дружеским визитом.

– А если беспокоить не велено?

– Ну так я велю!

Лагха вовсе не злился, он повелевал. И – одновременно – уважал пустоголовых клеветов, говорящих на чудном «диалекте», а в действительности на чистейшем харренском языке шестивековой давности.

Старший с чувством выполненного долга поклонился и приказал пропустить Лагху, а сам вызвался проводить.

– Могу ли я задать вам один вопрос? – почти шепотом осведомился страж, когда они подошли к двери в самом конце коридора.

– Извольте.

– Правда ли, что у вас мужику могут отрезать язык, если он, как бы выразиться... у своей жены, гм...

– Неправда. За Второе Сочетание Устами без отягчающих обстоятельств его просто выставят к позорному столбу.

– А с обстоятельствами?

– Сошлют на галеры.

Они стояли возле двери. Страж пытливо глядел на Лагху. Лагха умилился.

– Это очень плохо, – заключил страж. – Это все обернется против вас. Я видел ваших галерных рабов. Они только ждут случая, чтобы отомстить. Люди должны быть друг с другом так, как они хотят.

Впервые за день Лагха потерял дар речи не от усиленной работы мысли, а от полного отсутствия мыслей. Наконец он вспомнил:

– В Варане низкие налоги. Много еды. Почти нет воров, убийц и насильников. У нас порядок. Больше ста лет мы не вели больших войн. Бунт невозможен, ибо лишен почвы.

Лагха никогда не думал о том, как устроен Варан на самом деле. Он знал только, что должен сохранять эту страну такой, какая она есть. Защищать от всех мыслимых внешних врагов и от внутренней магической скверны.

Лагха знал, что и это – чушь, ерунда, ничто по сравнению с ним самим, Лагхой. Однако если уж ты родился и живешь вновь, если в твои руки попал Свод Равновесия – значит, ты должен им распоряжаться мастерски. Даже если понимать людей как фигуры Хаместира, играть ими нужно хорошо. В неудачах меньше смысла, чем в победах. Это верно даже тогда, когда и победы, в свою очередь, тоже лишены смысла.

– Еще мальчиком я слышал о Своде Равновесия и восхищался вами, гнорр. Я верю вашей мудрости, – неожиданно сказал страж. – В любом случае желаю вам удачи.

«Когда ты был мальчиком, я был младенцем, а гнорром был славной памяти Карувв, которого я некогда проткнул, как жирный окорок. Ну, будем считать, что я тут Гнорр Вечно-зеленый», – подумал Лагха и это вернуло его в доброе расположение духа.

– Удачи и тебе.

4

Первые полчаса пили вино и болтали о пустяках.

Воодушевленно полыхали дрова в камине, за окнами выл ветер, рафинированное масло в светильниках почти не давало копоти. Все вели себя так, будто и не было сегодняшнего резкого разговора в Совете Шестидесяти.

– ...Так мы на них и напоролись, – посмеиваясь, рассказывала Зверда. – Все трое – навеселе, оружие – на съехавших в задницу перевязях. Вдруг вылетает из темноты копье, бьет Шошу прямо в зеркало, валит на землю... Пока мы с Аллертом за мечами лезли – кругом уже смеги! Вот тут нас только бич-самодав и смог выручить, без него, может, и всех перебили бы. Потому что один смег как заверещит: «Железная змейка, варанцы, Свод, ноги-ноги!»

Зверда залилась смехом. Лагха тоже от души посмеялся, ему было не жалко.

Шоша поглядывал на варанского красавчика со смесью уважения и ревности. Уж больно обходителен, зараза! А взгляд – как у ледовоокого. Родственная душа, гамэри-кан арупптах...

– Да, был у нас один такой бич когда-то, – закивал головой Лагха. – Удивительно, как смегам в память врезался!

– Один? Да как бы не так! – неожиданно брякнул Шоша.

– Ну, может, два. Один – у Опоры Единства, а другим я жену воспитываю, – отшутился Лагха.

Аютское действовало на барона Шошу со сногшибательной скоростью.

Причем, учитывая особенности его расы, дивный напиток из соседней страны отнюдь не вызывал в нем неудержимого любовного желания. Скорее уж просто бил по голове, как кувалда. Зверда чувствовала то же самое, но эффект был многократно ослаблен заблаговременно принятым под предлогом переодевания напитком из цинорских водорослей, настоянных на ее собственной крови.

Проверенное средство. Шоше она о настое не напомнила, поскольку не сомневалась, что гнорр станет сговорчивей, оставшись с ней наедине. А самоуверенный барон, отродясь не пробовавший аютского, был уверен, что сможет перепить весь Свод Равновесия.

– Без змееживого бича воину никак нельзя, – серьезно сказал Шоша. – Если б не он – ваши галеры нас арестовали бы среди бурного моря. И сидели бы мы сейчас не с вами в теплой гостинице, а в гнилом бараке на Вересковом мысу.

Это было правдой. Посольства в Варане, да еще зимой – редкость. В Варане не любят чужих дипломатов, справедливо полагая в них шпионов и провокаторов.

Головокружительные интриги плетутся в Орине, «дипломатической столице» Сармон-тазары. Неисчислимые делегации и постоянные представительства реально (или номинально) независимых провинций двух империй, вольных городов, Варана и Северной Лезы тратят в Орине казенные денежки, решают десятки старых и создают сотни новых проблем, весьма далеких от судьбоносных решений войны и мира.

А войны со времен Эгина Мирного принято начинать внезапным, вероломным ударом, оканчивать же – на бранном поле по колено в крови. Так живут две громадные империи, так решают дела их далекие провинции, имеющие подчас больше свободы действий, чем правители в метрополии.

В Варане иначе. Великое Княжество неохотно впускает к себе даже иноземных торговых представителей. А официальные делегации, как правило, имеют все шансы прождать у Грютских Столпов или в Башне Отчуждения на Вересковом мысу месяца полтора. А потом воротиться домой несолоно хлебавши.

Для Варана, худо-бедно проводившего политику самоизоляции, в подобной практике был свой смысл. Еще Инн окс Лагин подметил, что почти каждое посольство, прибывшее в Варан,

означает крупную резню. Будет ли резня называться «войной», «усмирением бунтовщиков», «водворением справедливости» или «возмездием» – не важно. Важно, что резня будет.

– Это верно, – с легкостью согласился Лагха, собственноручно пополняя кубки. – Но, как я понял из разговора с капитаном-растяпой, было еще кое-что, без чего вам никогда не прорваться в пиннаринский порт.

Зверда была готова к намеку на помощь рыбьей орды. Ответ у нее был заготовлен заранее. Но для начала следовало испробовать более простой вариант, а именно проигнорировать вопрос.

– Он еще жив? – Зверда умело изобразила тревогу за судьбу «капитана-растяпы». – Я вас очень прошу, не наказывайте его строго. Он вовсе не виноват. На нашей стороне были ветер и бич-самодав.

– Жив-жив, какой мне прок от его смерти? У него хороший послужной список, отдохнет немного – и снова вернется в строй...

Это было правдой. После молниеносного допроса в Своде, который проводился Лагхой лично, капитана посадили под домашний арест.

Арест, впрочем, не спасет ему жизнь. Пройдет не так много времени, и один из лучших капитанов Флота Охраны Побережья будет погребен под руинами собственного дома во время землетрясения. Однако об этом не догадывался даже Лагха.

– ...Вы мне не ответили. Поставлю вопрос прямо: какой магией вы смогли призвать к себе на помощь морских существ в таком количестве?

– Это не магия. Вы сами это знаете лучше меня, – твердо ответила баронесса. – Я не знаю, как случилось то, что случилось. Я знаю лишь, что такие вещи нет-нет да и происходят в море: рыбы избирают короля. На этот раз королем избрали наш корабль. Я слышала о подобных чудесах от своего деда, благородного барона Санкута велиа Маш-Магарт.

Лагха видел, что баронесса не лжет. Или по крайней мере не лжет в том смысле, что магия тех форм, о которых ведомо в Своде, в повелевании рыбами замешана не была. В противном случае сверхчуткий Зрак Истины в его кабинете не преминул бы поведать об этом еще утром.

Выводов можно было сделать два, весьма противоречивых.

Либо бароны Маш-Магарт владеют некими сверхъестественными искусствами, о которых не знали даже Звезднорожденные, а это практически невозможно. И главное, весьма оскорбительно для Свода, магические техники которого основаны на заветах Шета окс Лагина, Элиена и Октаंगा Урайна, чьи тексты имеют статус абсолютно неоспоримых.

Либо бароны Маш-Магарт владеют некими «естественными» (без «сверх-») искусствами, то есть не магией-наукой, а магией-природой. Но какова же тогда природа самих баронов?

– Положим. То есть вы утверждаете, что бароны Маш-Магарт магией не владеют. Хотя у них и есть один заваливающий змееживой бич, сложное в обращении и крайне дорогое магическое оружие. Но забудем о нем. А как же бароны Гинсавер, о которых вы рассказали сегодня столько кровавых ужасов? Как быть с ними? Вы уверяли Совет Шестидесяти, что барон Вэль-Вира велиа Гинсавер – оборотень. Помимо прочего, он обращается в сергамену. Я уже не говорю о том, что сведения о сергамене – фальшивка, состряпанная когда-то Опорой Безгласых Тварей...

Расчет был верным. Барон Шоша так рассердился, что неловко подался вперед всем телом и залил вином свой парадный бархатный жакет.

– Ничего себе фальшивка! По-вашему, лекарь Аваллис состоял на службе у Свода? Ерунда. Его записки подтверждаются независимыми свидетельствами Радзамтала Ринского. Ну а кроме этого, я видел своими собственными глазами, как Вэль-Вира превращается в сергамену! Своими. Собственными. Глазами.

Шоша не лгал: он действительно был очевидцем того, о чем рассказывал. Это Лагха чувствовал. Как и в случае с рыбьим потопом, Лагхе оставалось только развести руками. Тут встряла Зверда:

– Справедливости ради добавлю: кое-какими немудрящими магиями, дошедшими до нас из глубины веков, мы, бароны Маш-Магарт, все-таки владем. Наиболее сильная из них – это магия составления эликсиров, при помощи которых можно убить сергамену. Зверь неимоверно прыток и живуч, требуются колоссальные усилия. Учитывая, что у Вэль-Виры полно преданных солдат, придется гонять сразу двух зайцев: сражаться с ним как с обычным человеком-военачальником и одновременно постараться уничтожить его как человека-оборотня.

– Если придется. Напоминаю, я не намерен вмешиваться в ваши дразги. Кроме этого, раз у вас есть мертвительные магии против барона-сергамены, так применяйте их на здоровье! При чем здесь Варан?

– Уже пытались. Но оказалось, что сергамена сильнее наших специально снаряженных лучников. Для этого-то нам и нужна помощь боевых магов из Свода Равновесия.

– Свод Равновесия славен не своими боевыми магами. А организацией, которая позволяет сотне не искушенных в магии рах-саваннов задавить под началом пар-арценца любую хуммерову скверну.

Это признание не выдавало особых государственных тайн. И все равно подобной откровенности перед лицом чужеземцев Лагха от себя не ожидал. Ему почудилось, что кто-то легонько потянул его за язык. Аютское? Но оно на него почти не действует. «Надо за собой следить повнимательней».

– О да, конечно, – улыбнулась Зверда. – Не кажется ли вам, гнорр, что мы чересчур много уделяем внимания ерунде? В то время как пора перейти к главному.

«Куда уж главнее?» – растерялся Лагха.

Зверда наклонилась, протянула руку, легко коснулась век и ресниц барона Шоши, словно бы смахивая паутинку с лица своего мужа.

Лагха изумился. Барон Шоша, оказывается, уже некоторое время спал с открытыми глазами. Или заснул только что – от прикосновения Зверды.

Гнорр был не из робкого десятка, но даже он не сразу осмелился легко прикоснуться вслед за Звердой к барону. Впрочем, не к лицу, а к его огромной лапе, которая возлежала на закрученном гребнем счастливой волны подлокотнике кресла.

Тело не лжет: теперь Лагха был точно уверен в том, что барон не притворяется, а действительно спит непрошибаемым сном усталого, счастливого, пьяного человека.

Человека ли? Со всей определенностью, След Шоши был человеческим. Это Лагха понял еще на официальных переговорах. И все-таки сейчас, когда барон заснул, Лагхе почудилось, что где-то в теле этого невысокого, но поразительно ширококостного северянина шевельнулась некая иная природа. Отраженный?

Одновременно с этим Лагха краем глаза видел, как Зверда совершенно бесшумно поставила бокал на стол, поднялась во весь свой недюжинный рост и улыбнулась.

– Спит как убитый, – сказала она.

Лагха откинулся в низком кресле, застеленном медвежьей шкурой, и посмотрел на баронессу. Так, словно бы видел ее впервые в жизни.

Весь день гнорр воспринимал Зверду только как ловкую чужеземную интриганку, у которой есть определенный политический интерес в Варане. То есть не как предмет любви, а как предмет чуждой власти, который хочет использовать подвластные Лагхи силы для достижения своих целей и который, в свою очередь, можно использовать для того же. Но не более.

Теперь же Зверда представала перед Лагхой во всем блеске своей великолепной, воинственной, необузданной женственности. От нее шел зов такой силы, что, казалось, еще немного – и бокалы на столе разлетятся вдребезги.

Лагха тоже встал из кресла. Он был все-таки выше, пальца на два. Но не более того! Лагха почувствовал себя до крайности двусмысленно.

С одной стороны, ему хотелось тут же, почти не раздеваясь, овладеть Звердой прямо перед камином. С другой – вежливо откланяться и немедленно уйти ночевать под забором. В его душе, непростой душе Отраженного, наперебой звенели две струны, и каждая кричала о своем.

– Ты права. Пора перейти к главному, – еле слышно сказал гнорр.

Они не тискали друг друга в глупом нетерпении, не рвали одежду, не целовались и не сопели попусту.

Лагха расшнуровал штаны, Зверда деловито подобрала свое длинное парчовое платье, развязала набедренный кушак и опустила платье на плечи.

Лагха осторожно заключил в свои ладони ее литые груди с маленькими сосками нерожавшей женщины. Зверда нежно подтолкнула Лагху в плечи, чтобы он лег на спину. Лагха не возражал.

От Зверды шел запах молодого холеного тела и земляники. Ни духами, ни благовонными притираниями баронесса либо не пользовалась вообще, либо не пожелала воспользоваться.

Лицо Зверды стало невообразимо серьезным. Лагха почувствовал, как ее горячее лоно обволакивает его черен. Лагха тоже посерьезнел.

Он не понимал, отчего ему не хочется молоть ласковую ерунду, к которой его приучила Сайла. Целоваться со Звердой ему тоже не очень-то хотелось. Заглянув в свое сердце, Лагха понял: ему страшно.

Так они и любили друг друга: почти беззвучно, без единого слова, в тягучем, исступленном сосредоточении.

Когда Зверда, едва слышно взрыкнув, откинулась на спину, Лагха проливал семя столь долго, что думал, отдаст сейчас всю свою жизнь без остатка. Судя по экстатической дрожи баронессы, ей тоже стоило великих трудов оставаться в сознании.

Глава 8

Большая работа

*Ворожить – не сено ворошить.
Харренская пословица*

1

Лараф взял книгу, оделся, заткнул свою «подругу» за пояс, тщательно закрыл тайник и вышел во двор.

Он подошел к парадному входу и отворил дверь. Он проходил здесь сравнительно недавно – около часа назад.

Парадное еще не заперли на ночь, а могли и вообще не запереть.

Специального человека на дверях у них в доме не было, поскольку дом был обнесен высокой и крепкой оградой, которая хорошо охранялась. Да и делать подле их дома празднующемуся недругу было нечего. Все дальние подступы к Казенному Посаду находились под наблюдением Свода.

Мануфактурские же своей дисциплинированностью превосходили, пожалуй, личную охрану Сиятельной Княгини. И мастерам, и простым рабочим было запрещено покидать свои подворья и казармы с наступлением темноты. Ослушников на памяти Ларафа не случалось.

Лараф поднялся на второй этаж и прошел в женское крыло дома. Там жили его сестры Тенлиль и Анагела со своими служанками. В коридоре горели две масляные лампы, так что найти дверь в комнату Анагелы не составило труда.

Быть замеченным здесь Лараф не боялся. У него был заготовлен целый букет отговорок, начиная от прозаической «зашел за книгой» и заканчивая романтической «некому излить душу». Он и впрямь когда-то часто заходил к Анагеле то за очередным романом о непобедимом морском офицере-«лососе» Эр окс Эрре, то просто поделиться с ней своими ночными страхами. Правда, «Семь Стоп Ледовоокого» быстро отучили его от подобной ерунды.

Лараф постучал тихим-тихим узорчатым стуком, который при достатке воображения можно было принять за псевдоритмичную крысиную возню.

Долго не открывали. Лараф повторил тайную последовательность. Наконец Анагела бесшумно подкралась с той стороны.

– Кто там? – шепотом осведомилась она.

Вместо ответа Лараф, в душе посмеиваясь, повторил стук.

Дверь отворилась и Лараф мгновенно ступил внутрь комнаты, оттесняя Анагелу назад. В ее глазах Лараф прочел смесь крайнего удивления, испуга и разочарования.

Лараф приложил палец к губам, затворил дверь и только тогда прошептал: «Не бойся. Мне нужна твоя помощь».

2

Условный стук, на который отозвалась Анагела, Ларафу не мог быть известен. Не мог! Им пользовался молодой человек из крепости, бесшумный ночной гость, имени которого Лараф не знал и о котором едва ли узнал бы когда-либо, если б не его древняя подруга в деревянном окладе.

Анагела была шокирована и «раскололась» довольно быстро.

Полгода назад Лараф, как обычно перед сном, открыл книгу и попал в Синий Раздел, на разворот, обещавший «показать ближайший секрет». Краткий рецепт требовал немедленно проколоть указательный палец, написать прямо на этой же странице кровью слова «Отворяю ворота свои» и лечь спать.

На той странице уже чернели четыре надписи. Лишь в одной из них Лараф смог узнать нечто, напоминающее харренские буквы. Однако не могло быть сомнений в том, что все эти надписи означали одно и то же: «Отворяю ворота свои».

Лараф повиновался.

Той же ночью ворота его сознания приоткрылись, и Лараф оказался в том самом знакомом до боли коридоре, который сегодня привел его к Анагеле. Лараф понимал, что должен подождать, поскольку никаких секретов пока что не видел.

Книга обладала своеобразным чувством юмора: Лараф прождал почти три часа, причем все это время по полу коридора ползала нечеткая, но, как ему казалось во сне, голодная тень. Таковую тень, пожалуй, мог бы создать клоп или паучок, лазающий по стеклянному колпаку масляной лампы.

Пришлось стоять затаившись, чтобы призрачная тварь не отреагировала на движение и не присосалась к нему, ведь и сам-то он, Лараф, был всего лишь тенью. Откуда появилась мысль о том, что тварь обязательно захочет к нему присосаться, Лараф не брался судить. Однако проще было довериться этому подозрению, чем потом казнить себя за опрометчивость.

Наконец в коридоре, ступая мягче первого снега, появился некто в яловых сапожках. Вполне во плоти, вполне. Его появление сразу же спугнуло мелкую призрачную дрянь, а крупная призрачная дрянь в лице Ларафа продолжала стоять неподвижно.

Этот человек, которого Лараф видел со всей определенностью первый раз в жизни, постукал тихим семитактовым стуком в дверь Анагелы, Анагела открыла ему и... все понятно, казалось бы. Можно уходить.

Однако бесстыжий Лараф, отважившись просочиться в замочную скважину, битый час простоял в углу комнаты, созерцая альковную сцену во всех подробностях.

О том, что к его сводной сестре пожаловал именно «человек из крепости», легко было судить и по оружию, которое скрывалось под плащом, и по тому, с какой легкостью он переступал через Уложения Жезла и Браслета, нашептывая Анагеле, чтобы та ничего не боялась.

Офицер отправился восвояси не один, а в обществе Анагелы. Лараф хотел последовать за ними. Однако увиденное и услышанное, вся эта милая альковная возня и в буквальном смысле слова телячьи (собачьи?) нежности чересчур распалили его воображение. Лараф проснулся и уже не смог заснуть.

Тогда же пришел испуг: а что, если Свод пронюхает о его ночной прогулке-вне-плоти? Впрочем, к рассвету Лараф уговорил себя, что это была не магия, о нет, вовсе нет – так, просто невинный сон, да и страницу со своей кровью он отыскать больше не смог, как ни тщился. С книгой такое случалось: один раз открытая наугад страница куда-то пропадала, а прочитанное некогда предостережение «в хорошего друга закладки не пихают» Лараф не отважился нарушить.

Всеми этими подробностями Лараф не стал делиться с Анагелой. Он просто объяснил ей, что является ее преданным другом и не хотел бы, чтобы в одну из ночей ее застукали в обществе «человека из крепости» другие такие же «человеки». Свою осведомленность Лараф худо-бедно объяснил собственным любовным походом к Тенлиль.

– А он лгал мне, что с его появлением все в доме, кроме меня, даже против собственного желания проваливаются в глубокий сон, – всхлипнула Анагела.

– Значит, врал, – соврал Лараф. – Чтобы бабу раком ставить, надо бабе басню впарить. Хм, извини...

Анагела посмотрела на Ларафа с нескрываемой ненавистью. Станный у нее братец. Вроде бы и застенчивый, серьезный, когда хочет – вежливый и почти обходительный. Но временами совершенно несносен, хуже солдафона. Не говоря уже о выражении абсолютного превосходства, которое все чаще проступает у него на лице.

– Я не доносчик, я никому ничего не скажу, – примирительно пообещал Лараф. – Но, умоляю тебя, выведи меня из дома тем же путем, каким сюда приходит твой... друг.

И Анагела провела его, потому что понимала: запирается бессмысленно. Она еще подумает над тем, как поставить на место этого сопливого шантажиста. А пока что препирательства могут себе дороже выйти.

Все оказалось так просто, что он мог бы и сам догадаться. Впрочем, догадаться было мало. Потому что для всей процедуры требовался еще второй человек на башенке-голубятне, который вытравил бы канат обратно. В противном случае канат с хитрой кошкой-самохватом на конце так и остался бы болтаться до утра в воздухе. А значит, поутру был бы обязательно обнаружен прислугой.

Когда Лараф ковылял ночным лесом по колено в снегу, его как громом поразило: а как же в таком случае смог проделать это сам-один любовник Анагелы, когда приходил к ней среди ночи? Кто бросал ему канат через забор?

Ох, до чего же все странно здесь, в этом проклятом Казенном Посаде! Прочь, скорее прочь отсюда!

Лараф уже углубился в лес не то что на сорок, а на все двести сажений.

Шел мягкий, неспешный снег. Это позволяло надеяться, что глубокий след, оставленный Ларафом, к рассвету окажется засыпанным в достаточной мере. Вряд ли кто-либо успеет обратить на него внимание до рассвета, поскольку окна жилых комнат дома выходят на три другие стороны. На лес смотрят только разные хозяйственные пристройки, да еще конюшня, кузница и заброшенная голубятня, соединенная с домом не менее заброшенной галереей...

Лараф остановился. Постоял немного, прислонившись спиной к стволу ясеня, чтобы сосредоточиться. Потом достал нож и сделал на коре кольцевой надрез. Чуть ниже сделал второй такой же точно кольцевой надрез и снял полоску коры.

С первого же раза ему удалось то, чего требовала книга: получить цельный «поясок», который был бы прерван лишь в одном месте. Его Лараф сразу же надел на голову, как шутовскую диадему.

С «браслетами» дело обстояло посложнее. Лараф перепортил с десятков молодых деревьев, пока не надел на запястья по три широких полоски коры.

Затем он примерился и начертил на снегу большой ромб, в который попали ровно семь деревьев. В вершинах ромба Лараф нарисовал по семиконечной звезде. Звезды получились неравновеликими и довольно кривыми.

«На кой ляд семиконечные? Насколько проще были бы пять или шесть лучей! Один-два росчерка – и звезда готова! А над этими до утра можно пропыхтеть».

Но Лараф был подкуплен дружеским настроением книги, который в действительности был бы при точном переводе предостерегающим. Он не знал, что мрачная тень-«паучок», которая

полгода назад привиделась ему во сне, была вызвана серьезными огрехами в исполнении предписаний книги.

Лараф решил не утруждать себя перерисовыванием звезд. Вместо этого он стал в центр ромба, достал книгу и положил ее горизонтально на правую ладонь.

Указательным пальцем левой руки Лараф вывел на деревянном окладе книги заученное заклинание, одновременно произнося его вслух. Эти же действия он повторил еще два раза.

Книга полегчала настолько, что почти перестала чувствоваться на ладони как вещь. Казалось, что в воздухе повисло бесплотное видение.

«Действует, едрена неделя!» – обомлел Лараф. Он уже видел себя в постели с Тенлиль. А можно и с Анагелой заодно. Да, решительно: ему должны принадлежать обе сестры!

Теперь, как он помнил, нужно убрать руку за спину.

Так он и поступил. Книга обещала повиснуть в воздухе, раскрыться, вспылать негасимым огнем и одарить своего «друга» оракулами на предмет его дальнейших действий, благодаря которым он сможет достичь всего желаемого.

Чего же желал Лараф? Конечно же, любви и власти. Как можно больше того и другого.

Вместо этого книга начала падать – медленно, но неуклонно. За несколько ударов сердца застывшего неподвижно Ларафа она преодолела половину расстояния до земли. Он помнил: «будь статуей, что бы ни было». Лараф не шевелился.

Из-под оклада вырвался язычок оранжевого пламени. Вместо ожидаемого запаха серы или просто горелой бумаги в лицо Ларафу пахло земляникой. С тихим, но внятным железным скрежетом книга начала открываться, продолжая свое муторное, сонное падение на снег.

Ларафу захотелось закричать благим матом. Ларафу захотелось помочиться. Да какое там «захотелось»!

«Одно дело искать Силы, другое – с ней повстречаться». Из непереуловленного Ларафом творческого наследия ледовооких.

Лараф бросился бежать, но почти сразу наткнулся на невидимую преграду, проходившую там, где по снегу шла одна из линий, составлявших ромб Большой Работы. Преграда отбросила Ларафа назад и он упал на снег.

Вскочил на ноги, затравленно огляделся.

Раскрытая книга лежала на снегу. Ее разворот лучился грязно-зеленым светом.

Снег вокруг книги пришел в движение. Будто большая рыба или исполинский крот ходил кругами под хладным пушистым покровом. Безжизненная стихия зимы оживала, вспучивалась волнами, снежинки собирались в желто-белые шевелящиеся сгустки и срастались, образуя пока еще неясные очертания чего-то или кого-то. Гамэри!

– Выпусти меня, подруга! – заорал Лараф во всю глотку. – Выпусти отсюда!

Он не думал о том, что его могут услышать в доме. Впрочем, в доме не слышали бы и рев Морского Тритона. Начертанная Ларафом на снегу фигура не только поглощала все звуки, но и вырезала из пространства само место Большой Работы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.